

R 414
932

д-р
мч

XX
Л Е Т И Е
ОТДЕЛЕНИЯ
ЦЕРКВИ
О Т
ГОСУДАРСТВА

О Г И З - 1 9 3 8 - Г А И З

414
932 cu

XX-ЛЕТНЕ
ОТДЕЛЕНИЯ ЦЕРКВИ
ОТ ГОСУДАРСТВА

Книга имеет:

без обр.

Печатных листов	Выпуск	В переплетн. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служеб. №	Наклад и исписка
6						83	172 1428

В сборник, посвященный 20-летию декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви, включены статьи, опубликованные в связи с этим событием в нашей периодической печати. В статьях разъясняется значение декрета и показано, какое разрешение получило в советском законодательстве программное требование большевизма о свободе совести. В сборнике приведены материалы о подавлении свободы совести в странах капитала и в царской России.

Сборник рассчитан на массового читателя и может быть использован пропагандистом-антирелигиозником как пособие при проведении докладов и бесед.

ОТ РЕДАКЦИИ

Одним из важнейших мероприятий победоносной социалистической революции было освобождение трудящихся от гнусного наследия эксплуататорского прошлого — от гнета церкви.

Двадцать лет назад, 23 января (5 февраля) 1918 г., советской властью был издан декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви.

Советская общественность широко откликнулась на двадцатилетие этого декрета. Почти вся советская печать, как центральная, так и местная, отметила этот юбилей.

Настоящий сборник включает некоторые из этих статей. Читатель найдет в них большой фактический материал, характеризующий эксплуататорскую роль религии и церкви.

Новые кадры антирелигиозников, выявившиеся в период избирательной кампании по выборам в Верховный Совет СССР, найдут в сборнике необходимый материал для антирелигиозной пропаганды — для лекций, докладов, бесед, громких чтот, индивидуальной агитации.

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЦЕРКОВЬ

(К 20-летию декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви)

Декрет советской власти об отделении церкви от государства и школы от церкви был опубликован 5 февраля (23 января) 1918 г. Он явился одним из важнейших, основных мероприятий советской власти, так как нанес сокрушительный удар одной из реакционнейших основ всякого эксплуататорского строя. Он подрывал могущество паразитической организации церкви, создававшейся и укреплявшейся веками. Еще А. Н. Радищев писал в оде «Вольность»:

Власть царска веру охраняет, —
Власть царску вера утверждает,
Союзно общество гнетут:
Один сковать рассудок тщится,
Другая волю стерть стремится;
«На пользу общую», — рекут.

В течение веков церковная организация в царской России сложилась в сильнейшее оружие классового господства князей, бояр, царей, помещиков, капиталистов. Государство щедро награждало церковь, успешно обманывавшую массы народа. Монастыри, сосредоточив огромные богатства, в свое время были крупнейшими крепостническими хозяйствами. Так, при крепостном праве Троице-Сергиевский монастырь имел в разных местах за собою 106 501 душу крепостных крестьян (одних мужчин), Александро-Невская лавра 25 664 души, Кирилло-Белозерский монастырь 21 590 крепостных. К началу XX века (в 1905 г.) церковь имела 2 611 000 десятин земли. На каждого монаха приходилось в среднем по 40 десятин земли. Среди монастырей были такие, как Соловецкий, с 66 тысячами десятин. Кроме земли, монастыри и церкви владели товарными складами, гостиницами, подворьями, фабриками, домами. В одной Москве в 1903 г. приходские церкви владели 908 домами, монастыри — 146 домами.

Огромные доходы и богатства церкви не поддавались никакому учёту. Один только «святейший синод» имел в 1906 г. вкладов в банках около 60 миллионов рублей золотом, а ежегодная смета синода и местных епархий была не менее 100 миллионов рублей золотом. Сюда не входят богатые поборы священников натурой. Петербургский митрополит получал более

четверти миллиона рублей в год жалованья. Многие священники сами скупали земли: в 1905 г. 570 священнослужителей имели до 100 десятин земли, 590 — от 100 до 1000 десятин, а 28 духовных лиц имели 47 845 десятин земли, то-есть в среднем 1 840 десятин на «брата во христе». Чтобы покончить с этими цифрами, характеризующими церковную организацию в царской России, напомним, что накануне революции в 1917 г. одна только Троице-Сергиевская лавра под Москвой получила 1 369 776 рублей дохода, главным образом от торговли мощами Сергия Радонежского, вскрытыми в 1919 г.

Удивительно ли, что церковь и монастыри были заинтересованы в поддержке контрреволюции? В самый момент Октябрьской революции главы церкви под руководством митрополита Тихона созвали контрреволюционный собор, на котором кроме главарей церкви присутствовали крупнейшие помещики, бывшие графы и князья, которых революция лишила власти. Патриарх Тихон называл революцию «сатанинским делом», он угрожал народу, что он за революцию «подлежит огню гееннскому в жизни будущей — загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей — земной». Помещики, присутствовавшие на церковном соборе, были обижены тем, что церковь не проявила достаточной воинственности, когда надо было защищать помещиков. Граф Олсуфьев укорял «святых отцов»: «Помещиков грабили — вы молчали, отбирали фабрики — молчали, начали грабить лавры — заговорили...»

Пролетарская революция не могла пройти мимо этой реакционной силы церкви и монастырей. Она должна была отнять у паразитического сословия его материальную базу, позволявшую ему эксплуатировать труд рабочих и крестьян. Земли и имущества монастырей и церкви были отняты и переданы трудящимся, стали общенародным достоянием. Церковь лишилась поддержки государства. По декрету, опубликованному 5 февраля 1918 г., никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью, не имеют прав юридического лица, не имеют права производить какие бы то ни было принудительные сборы и обложения или налагать наказания на своих членов, не пользуются никакими преимуществами и субсидиями ни от государства, ни от местных его органов.

Вот основные три пункта этого замечательного декрета:

«1. Церковь отделяется от государства.

2. В пределах Республики запрещается издавать какие-либо местные законы или постановления, которые бы стесняли или ограничивали свободу совести, или устанавливали какие бы то ни было преимущества или привилегии на основании вероисповедной принадлежности граждан.

3. Каждый гражданин может исповедывать любую религию или не исповедывать никакой. Всякие праволишения, связанные с исповеданием какой бы то ни было веры или неисповеданием никакой веры, отменяются.

Примечание. Из всех официальных актов всякое указа-

ние на религиозную принадлежность и непринадлежность граждан устраняется».

На основании этого декрета отменены были какие бы то ни было религиозные церемонии или обряды в государственных учреждениях, отменена была религиозная клятва или присяга, запись актов гражданского состояния перешла к государственным органам.

Пунктом 9 декрета школа отделена была от церкви и запрещено преподавание вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы.

Декрет этот встречен был очень сочувственно широкими массами трудящихся, несмотря на вековое влияние церкви. Естественно, что контрреволюция почувствовала с первых же дней его опубликования силу удара, нанесенного ей этим декретом.

Церковь пыталась удержать свои позиции. Еще в конце 1918 г. кое-где священнослужители даже в Москве, благодаря саботажу оставшихся в государственном аппарате старых чиновников, умудрялись получать жалованье из государственной казны. Церковная организация (в том числе и сектантские главы) помогала всячески контрреволюции; создавались специальные контрреволюционные отряды из вооруженных монахов и священнослужителей: «иисусовы полки», «полки богородицы», «дружины святого креста», «дружины зеленого знамени» и т. п. Особенно ожесточенно сопротивлялись монастыри. Еще в 1929 г. в Казани в Мензелинском монастыре, в келье игуменья Лихачевой, крестьянами обнаружены были спрятанными 600 пудов хлеба, английские бомбы, яд, порох, 330 сундуков мануфактуры, 75 швейных машин и другое добро. В «Правде» от 26/VII 1929 г. сообщалось о том, что крестьяне обнаружили в монастыре, в гробах и в колокольне, больше 33 тонн запрятанного кулаками хлеба. Но в последующие годы были ликвидированы все монастыри. Из них значительная часть была использована сельскохозяйственными коллективами — совхозами, колхозами, коммунарами, их помещения превращены в культурно-просветительные учреждения — клубы, техникумы, перестроены под жилища для рабочих, под мастерские, заводы и фабрики.

Принимая на VIII съезде новую программу, партия большевиков точно сформулировала свое отношение к религии и церкви:

«По отношению к религии, — читаем мы в программе ВКП(б), — ВКП не удовлетворяется декретированным уже отделением церкви от государства и школы от церкви, т. е. мероприятиями, которые буржуазная демократия выставляет в своих программах, но нигде в мире не довела до конца благодаря многообразным фактическим связям капитала с религиозной пропагандой.

... Партия стремится к полному разрушению связи между эксплуататорскими классами и организацией религиозной пропаганды, содействуя фактическому освобождению трудящихся масс от религиозных предрассудков и организуя самую широкую на-

учнопросветительную и антирелигиозную пропаганду. При этом необходимо заботливо избегать всякого оскорбления чувств верующих, ведущего лишь к закреплению религиозного фанатизма».

На основе этой программы и неоднократных указаний съездов партии и ее ЦК, на основе указаний, данных товарищем Сталиным, в стране была развернута за эти годы антирелигиозная пропаганда. 13 лет тому назад создана была организация Союза воинствующих безбожников. При всех недостатках этой антирелигиозной пропаганды налицо огромные результаты. Впервые в истории человечества десятки миллионов трудящихся в городе и деревне, веками находившиеся в сетях религиозных организаций, порвали с церковью и религией. Процесс отмирания, изжития религиозных верований идет все глубже, охватывает все более широкие массы.

В Стране Советов закон обеспечивает свободу совести и свободу отправления религиозных культов всем гражданам, согласно статьи 124-й новой Конституции СССР.

«В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами».

Чтобы ярче оттенить значение этого закона о свободе совести, напомним, что в царской России не только безбожие, не только атеизм преследовалось законом, но государство, путем жестоких преследований «инаковерующих», ограждало привилегии господствующей православной церкви. Свобода совести царизмом подавлялась жестоко. Избиения, ссылка, которая от 6 до 8 лет ждали виновного в агитации за переход из христианской веры в иную, в особенности за отвлечение от православия. Ленин приводит в статье «Внутреннее обозрение» за 1901 г. факты избиений штундистов полицией и попами за то, что они не хотели молиться по-православному. «Иностранцев» насильно крестили, как например, бурят в 90-х годах. Против евреев, удмуртов и других попы изобретали кровавые наветы и создавали преступные, позорные судебные процессы. Партия большевиков и до Октябрьской революции боролась за свободу совести, отнюдь, однако, не скрывая своего атеизма.

Еще до Октябрьской революции в 1917 г. Ленин в своей замечательной работе «Государство и революция» писал, что большевики отстаивают невмешательство государства в вероисповедание граждан. Но в то же время Ленин решительно боролся против оппортунистов, считавших религию частным делом по отношению к партии пролетариата. Оппортунисты, писал Ленин, принижают «партию революционного пролетариата до уровня пошлейшего «свободомыслящего» мещанства, готового допустить невероисповедное состояние, но отрекавшегося от партийной борьбы против религиозного опиума, оглуляющего народ»¹.

¹ Ленин — Соч., т. XXI, стр. 422.

Эту же точку зрения развил товарищ Сталин в своей беседе с первой американской рабочей делегацией.

«Мы ведем пропаганду и будем вести пропаганду против религиозных предрассудков,—заявил товарищ Сталин.—Законодательство страны таково, что каждый гражданин имеет право исповедывать любую религию. Это дело совести каждого. Именно поэтому и провели мы отделение церкви от государства. Но, проведя отделение церкви от государства и провозгласив свободу вероисповедания, мы вместе с тем сохранили за каждым гражданином право бороться путем убеждения, путем пропаганды и агитации против той или иной религии, против всякой религии. Партия не может быть нейтральна в отношении религии и она ведет антирелигиозную пропаганду против всех и всяких религиозных предрассудков, потому что она стоит за науку, а религиозные предрассудки идут против науки, ибо всякая религия есть нечто противоположное науке»¹. Товарищ Сталин указал также, что антирелигиозная пропаганда есть одно из верных средств подорвать влияние реакционного духовенства, что эта пропаганда должна «довести до конца дело ликвидации реакционного духовенства»².

Нет ничего удивительного, что на основе этих указаний в Стране Советов выполнена за эти двадцать лет огромного исторического значения работа. Порвало с религией около половины населения СССР.

Могут сказать: несмотря на то, что в течение двадцати лет в Стране Советов свободно развернута антирелигиозная пропаганда, организация церковников и сектантов различных оттенков все еще охватывает десятки миллионов трудящихся. Это верно, но из этого надо сделать два основных вывода: 1) Религиозные пережитки являются наиболее живучими из всех пережитков опрокинутого революцией общественного строя и не отмирают сами без борьбы. 2) Но и этот самый реакционный пережиток старины за первые же двадцать лет существования социалистического государства настолько подорван в сознании масс, в их быту, что нет никакого сомнения в неизбежности его полного отмирания, полного изжития под влиянием дальнейших успехов социализма и антирелигиозной пропаганды.

Ленин в ноябре 1918 г. на 1 всероссийском съезде работников отмечал, что «самый глубокий источник религиозных предрассудков — это нищета и темнота...»³. В СССР покончено и с нищетой и с темнотой. В СССР ликвидирована прежняя социальная база религиозных организаций — ликвидированы паразитические классы. В СССР ликвидировано сознание бессилия трудящихся города и деревни перед стихийными силами природы, перед властью капитала, которая давила трудящихся до революции.

¹ Сталин — Вопросы ленинизма. Партиздат 1935. Стр. 192.

² Там же. Стр. 193.

³ Ленин — Соч., т. XXIII, стр. 285—286.

Остается капиталистическое окружение, на которое с надеждой взирают, которому стараются угодить все обреченные на гибель остатки паразитических элементов, в том числе — церковь.

Огромный рост материального, культурного и политического уровня широких трудящихся масс города и деревни, победа социалистического строя — вот основа огромных сдвигов в сознании масс, вот главная причина отхода трудящихся масс от религии в СССР.

Но это не значит, что отход от религии трудящихся масс происходит самотеком, что отмирание религии — стихийный процесс. Иначе партия и комсомол не ставили бы перед собой активной задачи — антирелигиозной пропаганды. Иначе в Конституции СССР не было бы указаний на право трудящихся вести антирелигиозную пропаганду. Антирелигиозная пропаганда партии, комсомола, союза безбожников — в школе, в профсоюзах, через литературу, театр, кино, живопись, через антирелигиозные музеи, по радио, через лекции, доклады, выставки, планетарий, особенно путем индивидуальных и групповых бесед с верующими занимает не последнее место в этом великом движении, впервые создающем общество равных, свободных тружеников социалистического общества, не нуждающихся для оправдания своей деятельности ни в каких богах и святых. Они могут сказать теперь вслед за Лениным: Мы «...очень хорошо знаем, что от имени бога говорило духовенство, говорили помещики, говорила буржуазия, чтобы проводить свои эксплуататорские интересы»¹.

Массы трудящихся видят с каждым днем все яснее, что религия не только не помогает строить счастье на земле, но является тормозом строительства. На глазах масс церковь боролась в рядах контрреволюции против трудящихся, встречала хлебом-солью интервентов. Церковь анафемствовала трудящихся, когда они посягнули на ее ценности, чтобы спастись от голода в 1921—1922 гг. Церковь и сектантские главари боролись против коллективизации. Церковь и сектантские главари создавали контрреволюционные организации. Папа римский при поддержке других церковников организовывал неудавшийся «крестовый поход» против СССР. Недавно опубликованные в «Горьковской коммуне» факты контрреволюционной деятельности епископа Феофана и ряд всем известных фактов о контрреволюционной деятельности многих церковников вскрывают истинное лицо церкви и контрреволюционное значение религии.

В СССР всем гражданам обеспечена полная свобода совести, СССР является единственной страной, где не на словах, а на деле отделение церкви от государства и школы от церкви произведено до конца. Это дало уже в первые два десятилетия замечательные результаты, каких не знает история человечества.

Новое десятилетие своего существования СССР начал в условиях

неизмеримо выросшей силы, могущества социалистического государства, сплоченности трудящихся масс, выросшего авторитета коммунистов среди беспартийных, на основе невиданного морально-политического единства советского народа. Исчезла прежняя национальная рознь. Церковь не в силах уже разъединить трудящихся. Ни в быту, ни в хозяйственной деятельности, ни в семье религия уже не имеет и десятой доли того значения, какое она имела до революции. Массы не ищут больше призрачного счастья за гробом, которое обещала религия, потому что они нашли настоящее счастье на земле. Массы изживают религиозные пережитки. Мы помогаем им в этом, как мы помогаем им строить коммунистическое общество.

Эту счастливую жизнь в коммунистическом обществе, не нуждающемся в религии, массы строили, строят и построят полностью под руководством партии Ленина—Сталина. Оправдываются слова молодого Маркса о религии, написанные им еще в 1842 г. в письме к Руге, что «с уничтожением той извращенной реальности, теорией которой она является, она гибнет сама собой»¹.

¹ Ленин — Соч., т. XXV, стр. 391.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс — Соч., т. I, стр. 528.

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО

На собраниях трудящихся, посвященных обсуждению и изучению Сталинской Конституции, часто ставится вопрос: могут ли религиозные общества во время выборов в Советы депутатов трудящихся выдвигать свои кандидатуры? Многие религиозные общества по-своему разъясняют верующим советскую Конституцию, сообщая им, что религиозные общества якобы пользуются наравне с другими организациями трудящихся таким правом. Кое-где религиозные общества пытаются даже составлять «рекомендательные списки» для выборов в Советы. В селе Вознесенском, Апанасенковского района, Орджоникидзевского края, сектанты начали распространять «рекомендательные списки» своих людей для выборов в Советы. В Южном Казахстане, в Сайрамском районе, националисты и муллы тоже активно готовятся к выборам в Советы, составляют списки своих кандидатов.

Чтобы ответить на поставленный выше вопрос, надо сначала напомнить основной декрет советской власти об отделении церкви от государства и школы от церкви, изданный 23 января 1918 г. В пределах Советского государства, говорится в этом декрете, «запрещается издавать какие-либо местные законы или постановления, которые бы стесняли или ограничивали свободу совести, или устанавливали какие бы то ни было преимущества или привилегии на основании вероисповедной принадлежности граждан».

С первых дней Октябрьской революции партия Ленина—Сталина осуществила программу, которую она выработала еще во время борьбы с царизмом в период первой русской революции. Она обеспечила всем гражданам свободу совести. Декрет установил, что «каждый гражданин может исповедывать любую религию или не исповедывать никакой. Всякие правопривилегии, связанные с исповеданием какой бы то ни было веры или неисповеданием никакой веры, отменяются» (п. 3).

Этим основным декретом, действующим и сегодня, религиозные общества признаны частными обществами, причем, в отличие от других частных обществ, по этому декрету «никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют» (п. 12).

Таким образом, деятельность религиозных обществ была ограничена. Позднейшее советское законодательство еще больше уточнило этот декрет. По закону от 8 апреля 1929 года «религиозным объединениям воспрещается: а) создавать кассы взаимопомощи, кооперативы, производственные объединения и вообще пользоваться находящимся в их распоряжении имуществом для каких-либо других целей, кроме удовлетворения религиозных потребностей; б) оказывать материальную поддержку своим членам; в) организовывать как специальные детские, юношеские, женские молитвенные и другие собрания, так и общие библейские, литературные, рукодельнические, трудовые, по обучению религии и т. п. собрания, группы, кружки, отделы, а также устраивать экскурсии и детские площадки, открывать библиотеки и читальни, организовывать санатории и лечебную помощь.

В молитвенных зданиях и помещениях могут храниться только книги, необходимые для отправления данного культа» (ст. 17).

Ясно, что советское законодательство не приравнивает религиозные общества к другим обществам трудящихся, не сравнивает их с организациями, полезными трудящимся.

Этого никогда не было, нет и не будет. Советское законодательство ограничивает деятельность религиозных обществ только отправлением религиозного культа и не допускает для этих обществ никакой другой деятельности.

Специальная инструкция, изданная в развитие этого закона 16 января 1931 г., точно формулировала цель религиозных обществ, в которых могут объединяться люди только «для совместного удовлетворения религиозных потребностей» (ст. 1).

Изменила ли что-либо в этом вопросе Сталинская Конституция?

В статье 124-й новой Конституции говорится: «В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами».

Следует указать, что Конституция внесла в вопрос об отношении к служителям культов одно существенное изменение. Конституция признает за ними, как и за всеми гражданами страны, право избирать в Советы депутатов трудящихся и право быть избранными. Этого права служители культа до сих пор не имели. Кое-где служители культа «объясняют» сейчас предоставление им избирательных прав тем, что советская власть, дескать, убедилась в необходимости церкви и религии. Под Москвой, в селе Котельники, Ухтомского района, поп и церковный староста «разъясняют» верующим, что «бог вразумил большевиков, они теперь опомнились, будем же готовиться к выборам в Советы и выберем своих верующих людей».

Советская власть внесла это изменение не потому, что у нас принципиально изменилось отношение к религии или к церкви. Укрепшая советская власть, как на это указывал товарищ Сталин,

«превратилась в непобедимую силу» и отменила не только по отношению к служителям культа ограничения в избирательных правах, которые были введены «временно, до известного периода».

Но одно дело—предоставить служителям культа, как и другим гражданам, избирательные права, а другое дело—предоставить религиозным обществам право выдвигать кандидатуры в Советы депутатов трудящихся. Это значило бы нарушить советский закон об отделении церкви от государства.

Церкви нет и не должно быть никакого дела до организации управления государством, до организации государственной власти. Церковь нельзя приравнять ни к профсоюзам, ни к научно-просветительным и другим, полезным для трудящихся, организациям. Служители культа попрежнему, хотя и получили избирательные права, продолжают поддерживать и распространять взгляды и понятия, враждебные и противоположные науке.

Иногда задают вопрос: как быть, если в том или ином избирательном округе будет выдвинут поп в органы власти? На этот вопрос можно было бы ответить просто: не голосовать за такую кандидатуру. Но этот ответ недостаточен. Надо работать над тем, чтобы даже отдельные группы трудящихся, еще соблюдающие религиозные обряды, не выдвигали кандидатуры людей, избравших своим ремеслом распространение противонаучных взглядов, занимающихся распространением «опиума народа» — религии, которую Ленин называл своего рода духовной сивухой. Задача партийных организаций и Советов заключается, между прочим, и в том, чтобы развертывать и систематически вести антирелигиозную пропаганду, организуя для этой цели широчайшие круги трудящихся, уже окончательно и навсегда порвавших с религиозным дурманом.

Было бы очень опасно забывать, что религиозные пережитки еще сравнительно сильны среди значительной части трудящегося населения нашей страны. В СССР существует около 30 000 религиозных общин, которые находятся под влиянием и руководством реакционных элементов. Нельзя забывать, что миллионы крестьян и часть рабочих еще соблюдают религиозные обряды.

Вместе с тем надо помнить, что религиозные организации за последнее время значительно оживили свою деятельность. Они пытаются использовать расширение советской демократии, чтобы укрепить свои позиции, усилить свое реакционное влияние на отсталые слои трудящихся.

Кое-где в городах и на селе сектанты, пользуясь попустительством местных советских и партийных организаций, открывали сектантские «клубы» на дому. Организуя эти свои «клубы», сектанты стремятся подорвать влияние советских клубов. Например, в сибирском селе Старая Зима под влиянием секты «субботников» председатель сельсовета Потапов рассчитал избача и закрыл единственный на селе клуб, якобы из-за отсутствия средств. Сектанты, воспользовавшись этим, втянули в секты свыше 60 юношей и девушек.

Систематическая антирелигиозная пропаганда необходима нам, и особенно теперь, в период подготовки к выборам.

Надо помнить слова товарища Сталина: «если народ кой-где и изберет враждебных людей, то это будет означать, что наша агитационная работа поставлена из рук вон плохо, и мы вполне заслужили такой позор, если же наша агитационная работа будет идти по-большевистски, то народ не пропустит враждебных людей в свои верховные органы. Значит, надо работать, а не хныкать (бурные аплодисменты), надо работать, а не дожидаться того, что все будет предоставлено в готовом виде в порядке административных распоряжений»¹.

В вопросе о предоставлении избирательных прав служителям религиозных культов и об обеспечении свободы отправления культов есть принципиальная сторона, требующая разъяснения широким массам трудящихся.

Сторонники коммунистического учения Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина в этом вопросе отличаются и от буржуазных свободомыслящих и от анархистов. Во-первых, как на это не раз указывал Ленин и указывает программа ВКП(б), — либеральная буржуазия хотя и декларировала свободу совести и отделение церкви от государства и школы от церкви, но нигде не провела до конца эти принципы. Советская власть провела этот принцип до конца. Во-вторых, сторонники коммунистической партии ничего общего не имеют ни с принципами, ни с тактикой анархистов, требующих отмены религии, отмены культов. Маркс и Энгельс не раз высмеивали анархистов (Бакунина), выставлявших в своей программе требование отмены культов, отмены религии. Антирелигиозная пропаганда такого типа, как пропаганда анархиста Иоганна Моста, принесла и приносит больше вреда, чем пользы. Вместе с тем Маркс и Энгельс с большой похвалой отзывались о мероприятиях Парижской Коммуны, декретом 2 апреля 1871 г. отделившей церковь от государства.

Стоит отметить, что троцкисты в Испании поддерживают провокаторско-анархистские крайности в этом вопросе. Они резко нападают на испанское республиканское правительство, обеспечившее свободу отправления религиозных культов. Троцкисты хотели бы поссорить верующих трудящихся Испании с республиканским правительством и поэтому действуют как истые провокаторы и предатели народа, требуя вместе с анархистами отмены и запрещения культов.

Коммунисты признают религию злом, против которого они борются посредством убеждения, посредством пропаганды. Коммунисты знают по опыту своей антирелигиозной работы, что десятки миллионов трудящихся уже порвали с религией, десятки миллионов трудящихся стоят на пути к этому. Коммунисты своей антирелигиозной и культурно-просветительной пропагандой,

¹ Сталин — О проекте Конституции Союза ССР. Партиздат. 1936. Стр. 43—44.

всей своей деятельностью терпеливо помогают трудящимся преодолеть пережиток старины, чуждую научному пониманию мира идеологию, порвать с обманчивыми, иллюзорными верованиями в загробную жизнь, в богов, богинь, святых, ангелов, дьяволов, рай и ад. Большевики помогают трудящимся здесь, на земле, построить радостную для всех, счастливую жизнь.

Коммунисты против того, чтобы принуждать кого-либо верить или не верить. Но, допуская существование религиозных организаций для отправления культа, коммунисты совершили бы большую ошибку, если бы позволили религиозным организациям выйти за рамки, отведенные для них советским законодательством, нарушить советскую Конституцию и превратиться в политические организации, выдвигающие свои кандидатуры в Советы депутатов трудящихся. Это означало бы, что религиозные общества собирают верующих не только для молитвы, но и организуют их политически.

Твердо отстаивая Сталинскую Конституцию Советского государства, обеспечивающую всем трудящимся свободу совести, свободное отправление религиозных культов; отстаивая право каждого советского гражданина, независимо от его отношения к религии, выбирать в Советы депутатов трудящихся и быть избранным; борясь против попыток подменить методы убеждения методами администрирования, — мы должны столь же твердо и решительно бороться против всяких враждебных народу и партии попыток превращения религиозных обществ в участников избирательной кампании. Всякую такую попытку мы вправе рассматривать как нарушение советского законодательства об отделении церкви от государства.

(«Правда» № 255 (7221) от 15/IX 1937 г.)

ОТДЕЛЕНИЕ ЦЕРКВИ ОТ ГОСУДАРСТВА

(К двадцатилетию декрета)

Двадцать лет тому назад Совет Народных Комиссаров издал декрет об отделении церкви от государства. Декрет имел громадное значение для освобождения широких масс трудящихся от религиозных пут и для ослабления реакционной поповщины.

В программе коммунистической партии указано, что отделение церкви от государства и школы от церкви есть вопросы буржуазно-демократической революции. Буржуазная демократия обещала эти мероприятия, но нигде не провела их до конца в силу многообразных связей капитала с организациями религиозной пропаганды. На примере любой буржуазной страны можно проследить эти тесные связи церкви с капиталом и сращивание аппарата церковного с аппаратом буржуазного государства. Ни в одной стране мира, кроме СССР, не проведено последовательно и до конца отделение церкви от государства, в буржуазных государствах нет свободы совести. Только у нас в СССР вопрос этот решен до конца. И разрешение этого вопроса зафиксировано сначала в декрете об отделении церкви от государства, а затем, позже, в Сталинской Конституции.

Декрет покончил с позорным насилием над свободой совести, существовавшим в царской России, где церковь была служанкой царизма, а попы, ксендзы, раввины, ламы, муллы — чиновниками на жалованьи и шпионами по призванию. Церковные уставы обязывали священников доносить властям обо всем, что они узнавали на исповеди. Духовенство всех религий проповедывало покорность царизму, буржуазии и помещикам и всегда выступало злейшим врагом революционного движения. Недаром Белинский в письме к Гоголю (1847 г.) писал, что церковь «всегда была опорой кнута и угодницей деспотизма».

Интересный пример этого угодничества церкви деспотизму мы находим в книжке митрополита Введенского «Церковь и государство». Он сообщает, что не задолго до революции в синоде — этом высшем учреждении церкви — рассматривался вопрос об утверждении в сане епископа одного монаха, славившегося своим безнравственным поведением. Трижды вносил обер-прокурор в синод эту кандидатуру, и трижды она отклонялась. Наконец обер-прокурор заявил, что в Царском хотят, чтобы монах стал епископом. Тогда выступил один из столпов церкви, Антоний

Храповицкий, и заявил: «Что же вы молчали, не сказали прямо? Если в Царском хотят его в епископы, то, ведь, если Царское захочет, то мы и черного борова посвятим в архиереи».

Исключительно сильно было влияние религии в школе, и все дело начального образования было отдано под контроль церкви. Это делалось для борьбы с «крамолой». В письме к Александру III Победоносцев, бывший обер-прокурор синода, писал (1881 г.): «В народном первоначальном образовании министерству народного просвещения необходимо искать главной опоры в духовенстве и церкви». Этот же мракобес Победоносцев выбросил лозунг — «поменьше школ».

Церковь вмешивалась в личную и семейную жизнь граждан. Ее отношение к женщине, как существу, неравному мужчине, низшему, созданному «только из ребра», она настойчиво проводила в своих учениях о семье, браке, о воспитании детей, отношении между мужем и женою.

Церковные организации за верную службу царизму получали от правительства, помещиков и буржуазии огромные денежные, земельные и иные приношения, а от государства по бюджету синод получал свыше 50 миллионов рублей ежегодно. По данным за 1905 год, в Европейской России церкви и монастыри имели 2612 тысяч десятин земли, Соловецкий монастырь имел 66 тысяч десятин земли, Саровская пустынь — 26 тысяч десятин. Монастыри были крупнейшими крепостническими хозяйствами. Тысячами домов, гостиниц, торговых помещений, подворий и т. д. владели церкви в городах. Доходы церквей и духовенства не поддаются учету. Известно лишь, например, что московский митрополит получал в год 81 тысячу рублей дохода, новгородский архиепископ — 307 тысяч, киевский — 84 тысячи.

Духовенство и вся церковная организация всех религий зарекомендовали себя злейшим врагом освободительного движения, слугой реакции.

В том же письме к Гоголю Белинский писал: «...Наше духовенство находится во всеобщем презрении у русского общества и русского народа. Про кого русский народ рассказывает похабную сказку? Про попа, попадью, попову дочку и попова работника... Не есть ли поп на Руси для всех русских представитель обжорства, скупости, низкопоклонничества, бесстыдства?»

Декрет об отделении церкви от государства покончил с существовавшим при царизме насилием над совестью граждан. Декрет предоставил каждому гражданину верить или не верить в бога. Церковь была лишена ее государственно-служебной роли и государственных субсидий. Религиозные организации стали частными обществами граждан, существующими только для отправления культа.

Декрет осуществил то, что большевики в своих требованиях выставляли еще задолго до революции. В статье «Социализм и религия» Ленин в 1905 году выдвигал требование отделения церкви от государства. «Государству не должно быть дела до религии, религиозные общества не должны быть связаны с го-

сударственной властью. Всякий должен быть совершенно свободен исповедывать какую угодно религию или не признавать никакой религии, т.е. быть атеистом, каковым и бывает обыкновенно всякий социалист. Никакие различия между гражданами в их правах в их зависимости от религиозных верований совершенно не допустимы. Всякие даже упоминания о том или ином вероисповедании граждан в официальных документах должны быть безусловно уничтожены. Не должно быть никакой выдачи государственной церкви, никакой выдачи государственных сумм церковным и религиозным обществам, которые должны стать совершенно свободными, независимыми от власти союзами граждан-единомышленников»¹.

Эти требования полностью осуществлены декретом об отделении церкви от государства и закреплены в 124 статье Сталинской Конституции.

Церковь организовала яростное сопротивление декрету об отделении церкви от государства.

В борьбе с советской властью были забыты распри между попами разных вер, на этом деле объединились православные попы, католические ксендзы, иудейские раввины, мусульманские муллы и служители всех других церквей. Заседавший в дни Октября 1917 г. в Москве всероссийский церковный собор избрал патриарха. При этом совершенно недвусмысленно говорилось, что патриарх нужен для организации антисоветских монархических сил. Собор церкви, состоявший из епископов, графов, князей, офицеров царской армии и т. п., проклял советскую власть и призвал верующих выступить против власти.

На нескольких заседаниях собор обсуждал декрет об отделении церкви от государства и меры сопротивления ему. Попов особенно беспокоило лишение церквей и монастырей права владеть собственностью, а также лишение их государственных денежных подачек, казенного содержания. В специальном обращении к верующим собор призывал создавать при церквях дружины для противодействия проведению декрета об отделении церкви от государства и для антисоветских выступлений.

На одном из заседаний собора, где было заслушано погромное послание патриарха Тихона, выступил участник собора крупный помещик граф Олсуфьев и, одобряя антисоветское послание, упрекнул собор, что тот заговорил поздно, заговорил только тогда, когда затронули имущество церкви, и молчал, когда громили помещиков. На этот упрек помещика Олсуфьева нижегородский митрополит Арсений ответил, что собор выступал и в защиту помещиков и защищает помещиков, их имения так же, как и церковные. «Мы живем одною жизнью, — заявил митрополит Арсений помещику Олсуфьеву, — у нас могут быть разногласия, но сословных разногласий у нас нет». Сословных разногласий между попами и помещиками не было, и они это под-

¹ Ленин — Соч., т. VIII, стр. 420.

твердили еще раз своим участием в годы гражданской войны на стороне интервентов и белогвардейцев.

Церковь была с Деникиным, Колчаком, Врангелем и другими белыми генералами. Она создавала «полки Иисуса», «полки богородицы», «полки Магомета» как боевые единицы в армиях наших врагов. Попы во главе с нынешним папой Пием XI (тогда папский посол в Варшаве) участвовали в антисоветских походах Антанты. Они служили в армиях интервентов. Они служили японской разведке на Дальнем Востоке. Попы, равнины, ксендзы служили немцам на Украине, и, любопытно отметить, немецкие оккупанты, злейшие враги трудящихся, заняв в 1919 году Украину, позаботились привезти из Германии поповские ризы для духовенства. За границей римский папа и попы других религий организовывали крестовые походы против нашей страны. Это они пустили гулять по миру сказку о «национализации женщин» в Советской России, сказку, которая должна была возбудить общественное мнение против Советской республики.

Борьба всех и всяких религиозных организаций против Советского Союза и коммунизма не прекращалась ни на один день. Поджигатели войны имеют в лице князей церкви своих лакеев и агентов. Внутри страны верхушка церковных организаций, как это показал ряд фактов, вместе с троцкистско-бухаринскими бандитами и шпионами вредит нашему строительству, используя религию в интересах и целях врагов нашей родины.

За двадцать лет, прошедших со времени издания декрета об отделении церкви от государства, лицо нашей страны преобразовалось. Под руководством коммунистической партии и вождя народов товарища Сталина построено социалистическое общество. Из нищеты, отсталой, какой была царская Россия, страна наша стала передовой, индустриальной, культурной, с мощной промышленностью и передовым механизированным сельским хозяйством.

Изменились и сами люди Советской страны. И это не могло не сказаться на отношении широких масс трудящихся к религии и церкви. Отход от религии в нашей стране исключительно велик: с религией порвали и порывают миллионы людей — жителей города и деревни. В то же время есть еще много миллионов верующих, есть религиозная организация, пользующаяся влиянием на часть населения и использующая религиозные предрассудки против социализма.

В нашей художественной литературе почти не показан процесс упадка религии, не показана также в художественной форме реакционная роль всякой религии. Максим Горький писал, что молодых литераторов «можно упрекнуть в том, что за шестнадцать лет работы они не коснулись целого ряда интереснейших явлений нашей жизни. Одно из таких явлений — процесс отмирания религии, которая служила отдыхом и развлечением для миллионов жителей нашей страны. Не показано, как исчезла надежда на помощь попа и бога и как на пустом месте исчезнувшей иллюзии являлось у человека сознание его

независимости от «неведомой, непостижимой, вездесущей силы». Не показано, как человек сам себя почувствовал силою вездесущей и всесозидающей. Не показана борьба веры и разума, эмоции и мысли, а ведь мы еще недавно жили в стране тысяч церквей, монастырей, церковных школ, в стране, по проселочным дорогам которой зиму и лето ходили тысячи странников, «богомолов», сеятелей суеверий, проповедников «божьей воли», гасителей воли человеческой...»

Этот пробел в литературе, на который указывал Максим Горький, не восполнен до сих пор. Такие темы, как участие религиозных организаций в гражданской войне в лагере белых, как использование старым миром религиозных предрассудков для сохранения своих позиций, как антисоветские крестовые походы, — все это в художественной литературе не нашло отражения. При огромном интересе к истории своей страны, который есть в широких слоях населения, наша историческая художественная литература очень мало рассказывает о роли церкви и монастырей как гасителей всего прогрессивного и передового, как союзника интервентов и в прошлом (известно, например, прямое участие иезуитов и папы в авантюре самозванца в начале XVII в.), о борьбе религии против науки. Роман Дидро «Монахиня», написанный около 200 лет тому назад, и сейчас читается с захватывающим интересом. А разве монастырская жизнь в дореволюционной России дает мало яркого материала, чтобы на основании его изобличать религию и церковь и помочь тем, кто еще верует в поповскую магию, порвать с религией! В художественной литературе все эти вопросы обойдены.

Коллективизация сельского хозяйства встретила жестокое сопротивление кулачества, широко использовавшего религиозные предрассудки против колхозов (сказки о «кончине мира», об «антихристе»). Это было помехой колхозному строительству, но большие массы крестьянства на этих же фактах убедились во вреде религии, и многие порвали с церковью. Переделка психологии крестьянина, особенно крестьянки, в их отношении к религии и церкви также мало отражена в нашей литературе.

Совершенно ошибочно было бы считать, что с религией уже покончено. Религия является наиболее реакционной и консервативной идеологией. Она сохранила и донесла до XX столетия многие дикарские воззрения далеких тысячелетий. Борьба с нею требует настойчивой работы, упорного труда.

Ленин писал о большом значении бойкой, живой, талантливой, остроумно и открыто нападающей на господствующую поповщину публицистики старых атеистов XVIII века — для пробуждения людей от религиозного сна. Наша художественная литература должна дать такие талантливые работы, которые помогали бы пробуждать людей от религиозного сна и служили бы делу освобождения сознания людей от религиозных предрассудков.

(«Литературная газета» № 7 (714) от 5/II 1938 г.).

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО

(К 20-летию декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви)

Церковь в капиталистических странах является важнейшей составной частью буржуазной государственной машины. Для обеспечения своего господства эксплуататорские классы нуждаются не только в тюрьмах, войске, полиции, жандармерии, но и в религии, в церкви — орудии духовного порабощения трудящихся. Ленин говорил, что «Все и всякие угнетающие классы нуждаются для охраны своего господства в двух социальных функциях: в функции палача и в функции попа»¹.

Без церкви, без религии невозможно было бы господство эксплуататорских классов.

Ни одно важное государственное мероприятие в капиталистических странах не проводится без прямого или косвенного, открытого или скрытого участия церкви: во все вмешивается церковь, давая благословение самым гнусным антинародным мероприятиям буржуазных правительств. Даже в тех капиталистических странах, где церковь формально отделена от государства, она на деле и здесь является орудием политического господства буржуазии.

В царской России союз церкви и государства был открытым. Господствовавшая православная церковь вмешивалась во все вопросы политической и культурной жизни страны. Церковь и ее представители — духовенство являлись самой мрачной реакционной силой, поддерживавшей палаческую политику царизма. Церковь преследовала малейшие проявления свободной, прогрессивной мысли, насаждала невежество, религиозный фанатизм, изуверство. Открытое безбожие, атеизм считались тягчайшим государственным преступлением.

В старых архивах сохранилось немало судебных приговоров над безбожниками, которых царские слуги называли «богохульниками». Среди «богохульников» было много передовых рабочих и крестьян. Например, в 1899 году судили крестьянина Чернышева за то, что он сказал: «У нас бога нет; мы земля и в землю пойдем». В 1902 году судили рабочего Осипова; он сказал: «Святые живут богато, а мы здесь бедствуем... я в бога не верю...»

Крестьянина Ясырева судили в 1909 г. за следующие слова: «Бога у нас нет, а если есть, то пусть он скинет кандалы; человек не от бога, а от природы». Крестьянин Мельников рассказал незнакомым людям, что «ни бог, ни святые не помогают», а потом «принялся бранить бога и святых его угодников». На Мельникова донесли, и он был арестован. Так царское правительство расправлялось со многими безбожниками.

Царская цензура вместе с церковью запрещала печатать статьи и книги материалистического и атеистического направления. В число запрещенных книг попали прежде всего книги классиков марксизма-ленинизма. В 1915 году запретили печатать книгу Ф. Энгельса «От классического идеализма к диалектическому материализму» по тем мотивам, что «в ней красной нитью проходит намерение автора утвердить в уме читателя материалистические убеждения в ущерб всяким религиозным верованиям». Цензор требовал наложения ареста на книгу Энгельса и судебного преследования по отношению к издательству, согласно 73-й статье уголовного уложения. Такая же участь постигла в 1910 г. книгу Энгельса «Анти-Дюринг».

Было запрещено печатать философские и научные книги Фейербаха, Лафарга, Дицгена, французских материалистов XVIII века, Сеченова, Геккеля — за «кощунственный» образ мыслей. Труды Дарвина уродовались цензурой, а популяризация его учения была запрещена. Например, брошюра Лункевича «История происхождения растений и животных» была запрещена на том основании, что «Дарвин в ней выставляется как незыблемый авторитет», теория которого «не согласна с догматами православной церкви и может вызвать неудобное толкование в народе». Популярная брошюра Брейтенбаха «Биология в XIX столетии» была запрещена в 1903 г. к печати за то, что «в ней доказывается полная несостоятельность библейского учения о сотворении мира». Брошюра Гетчинсона «Автобиография земли» была запрещена из тех соображений, что «имеет материалистическое направление, а потому не соответствует с изложением о сотворении мира по книгам св. писания».

Обер-прокурор синода Победоносцев в одной из своих речей разъяснял, почему церковь и самодержавие считали опасным допускать просвещение в массы. «Всеми мерами следует задерживать просвещение масс, ибо оно научает логически мыслить», — так говорил Победоносцев, боявшийся того, что массы научатся революционно мыслить.

Под прямой реакционной опекой церкви находилась школа: низшая, средняя и высшая. Основным типом начальной школы была так называемая церковно-приходская школа, где хозяином был не учитель, а невежественный поп. Больше половины учебного времени в этих школах уходило на «закон божий», церковное пение и церковно-славянский язык. «Закон божий» был одним из основных предметов и в средней школе.

Школа царской России, как и все школы капиталистических стран, ставила своей целью не просвещение, а оглушение уча-

¹ Ленин — Крах II Интернационала. Соч., т. XVIII, стр. 259.

щихся, растрепанность их душ, воспитание в них духа покорности, раболепия и верноподданничества. В соответствии с этими задачами школы подбирались и состав преподавателей. Подольский архиепископ Иринарх в своем письме в министерство народного просвещения писал: «Лучше иметь в учебных заведениях преподавателей с посредственными способностями и познаниями, но благочестивых, проникнутых духом христианским, нежели весьма ученых, но нечестивых, напитанных началами неверия и вольнодумства».

Именно по этим мотивам царским правительством отстранялись от научной и педагогической деятельности такие великие ученые, как Климентий Аркадьевич Тимирязев.

Еще в 1905 году Владимир Ильич Ленин в своей статье «Социализм и религия» писал: «Государству не должно быть дела до религии, религиозные общества не должны быть связаны с государственной властью. Всякий должен быть совершенно свободен исповедывать какую угодно религию или не признавать никакой религии, т. е. быть атеистом, каковым и бывает обыкновенно всякий социалист. Никакие различия между гражданами в их правах в их зависимости от религиозных верований совершенно не допустимы. Всякие даже упоминания о том или ином вероисповедании граждан в официальных документах должны быть безусловно уничтожены. Не должно быть никакой выдачи государственной церкви, никакой выдачи государственных сумм церковным и религиозным обществам, которые должны стать совершенно свободными, независимыми от власти союзами граждан-единомышленников... Полное отделение церкви от государства — вот то требование, которое предъявляет социалистический пролетариат к современному государству и современной церкви»¹.

Только Великая Октябрьская социалистическая революция осуществила эти требования. Буржуазное Временное правительство и входившие в него эсеры и меньшевики даже не поставили вопроса об отделении церкви от государства.

При Временном правительстве православная церковь оставалась государственной организацией. Временное правительство разрешило церкви создать за счет государственных средств черносотенный поместный собор, который во главе с патриархом Тихоном пытался потом бороться против социалистической революции и декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви. Один из членов собора даже предлагал объявить в целях срыва декрета поповскую забастовку, чтобы понудить верующих выступить против декрета. Но все происки церковников провалились, трудящиеся встретили декрет с чувством огромного удовлетворения.

Декрет превратил церковь из государственной в частную организацию без прав юридического лица, а все имущество церкви объявил народным достоянием. Контрреволюция смотрела на

богатства церкви, как на свою материальную базу в борьбе с Советами, а декрет об отделении церкви от государства выбил эту базу из-под ног контрреволюции.

Пункт 9 декрета говорит об отделении школы от церкви и о недопущении преподавания религиозных учений в учебных заведениях.

Школа впервые из орудия духовного калечения детей, юношества превратилась в могучее средство воспитания всесторонне развитых людей, смелых, отважных, любящих народ и свою родину, граждан честных, ненавидящих эксплуататоров, свободных от предрассудков и суеверий, борцов за коммунизм.

В результате отделения церкви от государства, в результате уничтожения эксплуататорских классов и победы социализма корни религии в нашей стране подорваны. Десятки миллионов людей освободились от религиозного дурмана, но религия еще не умерла. Религиозные предрассудки живучи и владеют еще умами многих людей. Попы, муллы, сектантские проповедники и прочие служители культов стремятся использовать религиозные предрассудки некоторых слоев населения в контрреволюционных целях. Известны вражеские махинации церковников во время выборов в Верховный Совет СССР, их попытка истолковать в контрреволюционном духе соответствующие статьи Сталинской Конституции.

За спиной церковников стоят антисоветские элементы, которые не раз пытались и будут пытаться вредить советскому государству. В Горьковской, Воронежской и в ряде других областей разоблачены группы попов-шпионов, попов-диверсантов, ставивших целью свержение советской власти и распродажу нашей родины. Не все, конечно, попы прямо враждебны советской власти, но все они приносят вред трудящимся своим реакционным учением. Капиталистическое окружение будет пытаться вредить и пакостить стране социализма всеми средствами, в том числе через служителей религиозных культов. Важнейшая задача всех сознательных граждан, и прежде всего большевиков, состоит в том, чтобы путем систематической антирелигиозной пропаганды помочь верующим освободиться из-под влияния религиозных пережитков.

«Мы, — говорит товарищ Сталин, — ведем пропаганду и будем вести пропаганду против религиозных предрассудков. Законодательство страны таково, что каждый гражданин имеет право исповедывать любую религию. Это дело совести каждого. Именно поэтому и провели мы отделение церкви от государства. Но, проведя отделение церкви от государства и провозгласив свободу вероисповедания, мы вместе с тем сохранили за каждым гражданином право бороться путем убеждения, путем пропаганды и агитации против той или иной религии, против всякой религии. Партия не может быть нейтральна в отношении религии, и она ведет антирелигиозную пропаганду против всех и всяких религиозных предрассудков, потому что она стоит за науку, а

¹ Ленин — Соч., т. VIII, стр. 420.

религиозные предрассудки идут против науки, ибо всякая религия есть нечто противоположное науке»¹.

За 20 лет существования советской власти закон об отделении церкви от государства и школы от церкви дал огромные положительные результаты, показав правильность советской политики и в этом вопросе. Только в нашей социалистической стране все трудящиеся, весь народ пользуются действительной, а не формальной, не урезанной свободой совести. Только в нашей стране общественное положение человека не зависит от его религиозных убеждений. Только в СССР обеспечено воспитание всесторонне развитых граждан, свободных от суеверий и предрассудков. Только в стране социализма возможна всесторонняя и беспрепятственная пропаганда научного атеистического мировоззрения — марксизма-ленинизма.

(«Правда» № 35 (7360) от 5/II 1938 г.).

К 20-ЛЕТИЮ ДЕКРЕТА ОБ ОТДЕЛЕНИИ ЦЕРКВИ ОТ ГОСУДАРСТВА И ШКОЛЫ ОТ ЦЕРКВИ

5 февраля исполнилось двадцать лет со дня опубликования (23 января старого стиля 1918 г.) декрета Советской власти об отделении церкви от государства и школы от церкви. Декрет этот является одним из крупнейших мероприятий, направленных к ликвидации старых, эксплуататорских порядков, при которых религия и церковь являлись орудием порабощения трудящихся.

Декрет об отделении церкви от государства был законодательным осуществлением программных требований большевистской партии, указаний Ленина — Сталина.

В. И. Ленин еще в 1905 г., в период первой русской революции, выдвинул ряд программных положений, определивших последующую линию партии большевиков и Советской власти по вопросу о религии. В статье «Социализм и религия» Ленин писал:

«Государству не должно быть дела до религии, религиозные общества не должны быть связаны с государственной властью. Всякий должен быть совершенно свободен исповедывать какую угодно религию или не признавать никакой религии, т.е. быть атеистом, каковым и бывает обыкновенно всякий социалист. Никакие различия между гражданами в их правах в их зависимости от религиозных верований совершенно не допустимы. Всякие даже упоминания о том или ином вероисповедании граждан в официальных документах должны быть безусловно уничтожены. Не должно быть никакой выдачи государственной церкви, никакой выдачи государственных сумм церковным и религиозным обществам, которые должны стать совершенно свободными, независимыми от власти союзами граждан-единомышленников. Только выполнение до конца этих требований может покончить с тем позорным и проклятым прошлым, когда церковь была в крепостной зависимости от государства, а русские граждане были в крепостной зависимости у государственной церкви, когда существовали и применялись средневековые, инквизиторские законы... преследовавшие за веру или за неверие, насиловавшие совесть человека, связывавшие казенные местечки и казенные доходы с раздачей той или иной государственно-церковной сивухи. Полное отделение церкви от государства — вот

¹ Сталин — Вопросы ленинизма. Партиздат 1935 г. Стр. 192.

то требование, которое предъявляет социалистический пролетариат к современному государству и современной церкви»¹.

Здесь, как видим, вождь и основоположник большевизма намечает целую программу, определенную линию пролетариата в этом вопросе. Осуществить эту программу пролетариату удалось только в Октябрьскую социалистическую революцию. Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви есть, таким образом, реализация, оформление в законодательном порядке партийных, ленинских установок.

Декрет был разработан по инициативе Ленина и в окончательной редакции содержит существенные поправки и дополнения, сделанные рукой Владимира Ильича. Характерно отметить, что одна из существенных поправок Ленина к декрету касается вопроса об обеспечении свободы отправления религиозных культов.

Первая статья декрета, подписанного В. И. Лениным, гласит: «Церковь отделяется от государства». Конкретное содержание этой основной статьи декрета раскрывается дальше в целом ряде последующих статей. Так, статьи 2-я, 3-я и 6-я устанавливают права граждан не исповедывать (если они не хотят) никакой религии, запрещают отмечать в каких-либо официальных актах принадлежность к религии или устанавливать в зависимости от отношения к религии какие-либо преимущества и привилегии.

Статья 4-я отменила порядок, по коему действия различных государственных и публичных правовых установлений сопровождались раньше разного рода религиозными обрядами и церемониями.

Статья 8-я декрета ликвидировала связь церкви с государством по линии регистрации актов гражданского состояния. Регистрация рождений, браков, разводов, смертей и т. д. была изъята из ведения церковных организаций и передана отделам записи актов гражданского состояния.

Статьи 10-я и 11-я запретили и отменили всякого рода ассигнования церковным организациям из государственного или местного бюджета, а равно принудительные сборы и обложения в пользу церковных и религиозных обществ.

Статьи 12-я и 13-я отменили право церковных и религиозных обществ владеть собственностью и иметь права юридического лица. Все имущество религиозных организаций было объявлено народным достоянием.

Статья 9-я гласила: «Школа отделяется от церкви. Преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы, не допускается»².

Отделение школы от церкви означало целый переворот во всей системе народного образования, в деле воспитания всего

подрастающего поколения. В старой, дореволюционной России задача школы заключалась не столько в том, чтобы дать учащимся научные знания, сколько в том, чтобы воспитать их в духе покорности царю и эксплуататорам. В силу этого образование находилось под опекой мракобесов — попов. Основным типом начальной школы являлась так называемая церковно-приходская школа, где хозяином был не учитель а невежественный поп. Из 60 учебных часов в неделю больше половины уходило в этих школах на «закон божий», церковное пение и церковнославянский язык. Таких школ в 1915 г. насчитывалось в России 35 866, обучалось в них 2 096 277 детей.

Но не только в этих школах попы оглуляли учащихся. В каждой гимназии преподавался «закон божий», и стоило учащемуся получить по «закону божью» плохую отметку, как отношение к нему со стороны администрации становилось настороженным.

Высшая школа также не была свободна от влияния поповщины. Царизм руководился следующим правилом: «лучше иметь в учебных заведениях преподавателей с посредственными способностями и познаниями, но благочестивых, проникнутых духом христианским, нежели весьма ученых, но нечестивых, напитанных началами неверия и вольнодумства» (цитирую по копии документа, хранящегося в ЦАМ).

В соответствии с этим царизм всеми способами оттирал от научной и преподавательской работы таких, например, ученых, как Тимирязев, Карпинский, Комаров и многие другие. Духовная цензура не допускала издания и распространения в народе целого ряда книг, «кошунственно» относившихся к религии. Так, в 1888 г. и вторично в 1906 г. были запрещены к изданию работы Энгельса «Анти-Дюринг» и «Людвиг Фейербах». Мотив: религия, по Энгельсу, — фантастическое отражение земных отношений. А в 1866 г. была запрещена книга Сеченова «Рефлексы головного мозга». Автор душевную жизнь рассматривал с материалистической точки зрения.

В 1893 г. царской цензурой была запрещена работа Гетчинсона «Автобиография земли», как противоречащая учению «священного писания».

В 1901 г. попы запретили книгу В. В. Лункевича «История происхождения растений и животных» как не соответствующую догматам церкви.

В 1907—1908 гг. дважды запрещалась работа известного дарвиниста Геккеля «Мировые загадки» за «кошунственный» образ мыслей и т. д. и т. п.

Победа Октябрьской социалистической революции и декрет об отделении школы от церкви положили конец этой гнусной, дикой практике удушения науки религией. Вмешательству попов в дела науки и школы был положен конец. Церковно-приходские школы были ликвидированы. Учитель занял в советской школе и в обществе такое почетное место, какое ему не принадлежало никогда и нигде в мире.

Советская школа дает детям подлинно научное знание, выра-

¹ Ленин — Соч., т. VIII, стр. 420.

² Декрет Совета Народных Комиссаров (от 23 января 1918 года) «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского Правительства, стр. 272—273.

батывает у них социалистические навыки и понятия. Цель и задачи советской школы прямо противоположны тому, что имело место в царской школе. Если поповские школы пытались убить в ребенке интерес к наукам, любознательность и активность, воспитывали в ребенке рабские чувства, религиозность, то советская школа, наоборот, развивает в ребенке интерес к знаниям, пытливость, любознательность. Она прививает молодежи жизнерадостность, любовь к свободе, активность в борьбе, смелость, бесстрашие, самостоятельность, коммунистическое мировоззрение.

Советская школа—не только безрелигиозная школа: она антирелигиозная школа. Она всем своим обучением и воспитанием должна готовить из ребенка воинствующего атеиста, борца против религиозных предрассудков, против всех и всяческих реакционных идей и взглядов.

В буржуазных странах школа находится под опекой церкви даже там, где церковь отделена от государства. Это происходит потому, что даже в демократических буржуазных странах отделение церкви от государства и школы от церкви проведено только на словах — формально. По сути же дела, буржуазные государства всячески поддерживают церковь тысячами не видимых для рядовых верующих нитей; правительственный аппарат тесно связан с церковным аппаратом. Это и не удивительно, ибо в конце-концов и церковь и государство в капиталистическом обществе служат одним и тем же целям защиты капитализма.

Принципиально иной характер носит отделение церкви от государства в нашей социалистической стране. Декрет 23 января 1918 г. (старого стиля) и последующая практика советской власти показали, что только в нашей стране осуществлено последовательное и полное отделение церкви от государства. Ни в одной капиталистической стране нет и не может быть такого положения, потому что эксплуататорские классы нуждаются в услугах религии, освящающей их классовое господство.

Декрет об отделении церкви от государства лишил церковь ее экономического могущества: церковные богатства были объявлены народным достоянием, были отменены принудительные сборы. Этот декрет лишил религиозные организации политических прав: церковь перестала быть юридическим лицом, она перестала быть аппаратом государства, она перестала пользоваться поддержкой государства. Декрет уничтожил опеку церкви над школой: школа была отделена от церкви, поповщина не могла оказывать на детей влияние через школу; служители культа лишились государственной поддержки.

Декрет об отделении церкви от государства обеспечил гражданам нашей страны подлинную свободу совести.

«Законодательство страны таково,—говорил товарищ Сталин,—что каждый гражданин имеет право исповедывать любую религию. Это дело совести каждого. Именно поэтому и провели мы отделение церкви от государства»¹.

¹ Сталин — Вопросы ленинизма. Партиздат. 1935. Стр. 192.

Ни в одной буржуазной стране граждане не пользуются и десятой долей той свободы совести, которая завоевана трудящимися Советской страны. В любой буржуазной стране существует неравное отношение со стороны государства к верующим разных вероисповеданий. Например в Норвегии конституция указывает, что король должен покровительствовать евангелическо-лютеранской церкви. В связи с этим более половины министров должно принадлежать к официальной религии государства. Конституция Болгарии прямо заявляет, что господствующей верой в болгарском царстве является вера православно-христианская. Греческая конституция запрещает переход из православия в какую-либо другую веру.

Эти примеры в достаточной степени показывают подлинный характер «свободы совести» в буржуазных государствах. Даже верующие, религиозные люди, и те делятся в странах капитала на «овец и козлищ». Одни пользуются привилегиями, других терпят. Что же говорить о безбожниках? Пропаганда атеизма всячески преследуется в капиталистических государствах. Атеизм карается как тягчайшее преступление. Даже в самых демократических буржуазных странах пропаганда атеизма сплошь и рядом преследуется, а в лучшем случае всячески тормозится, ограничивается. Красноречивым примером этого может служить хотя бы дело учителя Джона Скопса в Америке, осужденного буржуазным судом за попытку преподавать дарвинизм в школе.

«Свобода совести» в буржуазных странах — это формальная свобода. Границы этой «свободы» определены рамками, какие выгодны эксплуататорам. Для распространения научного атеистического мировоззрения свободы совести в капиталистических странах не существует.

За последние годы в связи с общим и экономическим кризисом капитализма и обострением классовой борьбы буржуазия ликвидирует и последние жалкие остатки буржуазных демократических свобод. Союз между государством и церковью становится еще более реакционным. Заключаются конкордаты, по которым государства обязываются поддерживать церковь, а церковь обязывается со своей стороны всеми возможными средствами и способами искоренять атеизм и укреплять в массах религиозную, реакционную идеологию. Так, в австрийскую конституцию внесен пункт, закрепляющий конкордат (договор) с папой римским и обязывающий государство воспитывать детей «в религиозно-нравственном духе».

В конституции Голландии гарантируются «жалованья, пенсии и всякого рода другие доходы» духовенству, причем предусмотрено оговаривается, что если попы «получают лишь недостаточное жалованье из государственной казны», то оно может быть увеличено.

Мы не говорим уже о фашистских государствах, где царят кровавый террор и мракобесие, где жестоко подавляется всякое проявление свободной мысли. Передовые ученые и революционеры там подвергаются жестоким пыткам. Произведения гениев че-

ловечества — Маркса, Ленина, Дарвина, Гейне и др. — публично сжигаются на кострах.

Нет и не может быть свободы совести в буржуазных государствах. Конституции нужны этим государствам «...для того, чтобы закрепить общественные порядки, угодные и выгодные имущим классам»¹. Там, где существует классовое неравенство, эксплуатация человека человеком, частная собственность на средства производства, — там нет и не может быть свободы совести. В странах капитала господствующие классы заинтересованы в сохранении и укреплении эксплуататорской идеологии. А религия есть одна из форм этой идеологии. Поэтому религия и официально признанные религиозные организации всячески поддерживаются буржуазными государствами, а свобода совести для безбожников все более урезывается, сводится на-нет, атеизм преследуется.

Полная свобода совести возможна лишь в СССР. Только диктатура пролетариата могла осуществить и осуществила впервые в мире подлинную свободу совести для всех граждан.

Полное отделение церкви от государства неизбежно предполагает в качестве своего вывода свободу антирелигиозной пропаганды. Сталинская Конституция прямо указывает на свободу антирелигиозной пропаганды и гарантирует ее, а программа ВКП(б) призывает к развернутой научно-просветительной и антирелигиозной пропаганде.

По поводу борьбы с религией в программе ВКП(б) сказано: «По отношению к религии ВКП не удовлетворяется декретированным уже отделением церкви от государства и школы от церкви, т. е. мероприятиями, которые буржуазная демократия выставляет в своих программах, но нигде в мире не довела до конца благодаря многообразным фактическим связям капитала с религиозной пропагандой...

Партия стремится к полному разрушению связи между эксплуататорскими классами и организацией религиозной пропаганды, содействуя фактическому освобождению трудящихся масс от религиозных предрассудков и организуя самую широкую научно-просветительную и антирелигиозную пропаганду».

Полная свобода антирелигиозной пропаганды, разоблачение классовой сущности религии, показ ее эксплуататорской природы составляют неотъемлемый, важнейший признак подлинной свободы совести в нашей стране. Ибо какая, в самом деле, может быть свобода совести, если граждане той или иной страны не имеют права бороться против нелепых и вредных религиозных представлений?

Вот почему товарищ Сталин, говоря об отделении церкви от государства, о свободе совести, о том, что в нашей Советской стране каждый гражданин имеет право исповедывать любую религию, в то же время указывал:

¹ Сталин — О проекте Конституции Союза ССР. Партиздат. 1936. Стр. 19.

«Но, проведя отделение церкви от государства и провозгласив свободу вероисповедания, мы вместе с тем сохранили за каждым гражданином право бороться путем убеждения, путем пропаганды и агитации против той или иной религии, против всякой религии. Партия не может быть нейтральна в отношении религии, и она ведет антирелигиозную пропаганду против всех и всяких религиозных предрассудков, потому что она стоит за науку, а религиозные предрассудки идут против науки, ибо всякая религия есть нечто противоположное науке»¹.

Полная свобода совести в нашей стране гарантирована всем социальным строем, она записана как неотъемлемое завоевание трудящихся в великой Сталинской Конституции.

В 124-й статье Сталинской Конституции мы читаем:

«В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами».

* *
*

Впротивовес трудящимся, которые приветствовали декрет как величайшее проявление свободы совести, духовенство встретило этот декрет резкой враждебностью, злобой и проклятиями.

Опубликование декрета вызвало почти повсеместно волну антисоветской, погромной агитации со стороны церковников. Поповщина и сектантские вожаки объединились в этой антисоветской кампании не взирая на старые раздоры и распри. С многочисленных амвонов произносились антисоветские проповеди, направленные против декрета. Московский черносотенец — протоиерей Восторгов и другие открыто призывали бороться против проведения декрета в жизнь, к восстаниям, к выступлению против советской власти.

Роль дирижера в этой широко задуманной антисоветской кампании взяли на себя Всероссийский церковный собор, заседавший в 1917—1918 гг. в Москве, и патриарх-черносотенец Тихон.

Отъявленный враг трудящихся, патриарх Тихон вел кампанию против декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви, всячески пытаясь использовать темноту, невежество, религиозный фанатизм отсталых слоев населения. Проведение в жизнь указаний декрета о передаче церковного имущества в собственность народа толковалось самым клеветническим образом. Белогвардейцы и попы, на словах объявлявшие себя защитниками церковного имущества, на деле грабили церкви, сдирали ризы с икон, растаскивали кресты, чаши, деньги и т. д.

Узнав о подготовке трудящихся к первомайской демонстрации, Всероссийский церковный собор принял постановление (от 7 апреля 1918 г.), имевшее целью запретить верующим участвовать в народном торжестве и призывавшее верующих «в упомя-

¹ Сталин — Вопросы ленинизма. Партиздат. 1935. Стр. 192.

нутый день наполнить храмы». Собор предостерегал верующих «против какого-либо участия в означенном торжестве».

Оглашенное во всех храмах, это постановление собора являлось ничем не прикрытой попыткой церкви открыто направить религиозные организации как известную политическую силу против Советского государства.

Весьма неохотно, конечно, расставалась церковь с источниками своего обогащения. Попы пытались взимать с населения и даже с советских учреждений совершенно незаконные сборы и поборы. Вот маленький пример. Алексеевский монастырь в Москве представил в одно из советских учреждений счет за похороны служащего этого учреждения. По этому счету, датированному 26 сентября 1918 г., причиталось к уплате: за чтение псалтыря — 50 руб., клиросным — 50 руб., расход по церкви — 200 руб., за крест — 60 руб., за отпевание и 40-дневное поминовение — 110 рублей.

Церковники пытались в нашей стране сохранить старые, царские порядки, когда рождение, брак, смерть и т. д. — все было связано с обязательными «даяниями» в пользу духовенства. Декрет от 23 января 1918 г. отменил обязательный, принудительный порядок поповских сборов.

Духовенство вместе с белогвардейцами, вместе с помещиками, капиталистами, кулачеством, вместе с интервентами боролось в гражданской войне против трудящихся. Всеми способами, начиная с проповедей и кончая организацией специальных «иисусовых» полков, церковники пытались вернуть к жизни старые порядки, при которых церковь занимала господствующее положение в обществе.

На протяжении двадцати лет существования диктатуры пролетариата церковники не раз и не одним способом пытались нарушать декрет об отделении церкви от государства, вернуть церкви утраченные привилегии. Кулацко-поповские элементы вели агитацию против колхозов, против индустриализации страны, против советской культуры, за восстановление религиозных школ, за признание религиозных праздников государственными праздниками и т. п. В ходе избирательной кампании по выборам в Верховный Совет СССР также обнаружили довольно многочисленные попытки со стороны церковников вернуть себе старое положение в обществе. Явно нарушая декрет об отделении церкви от государства, поповщина и стоящие за ее спиной антисоветские элементы попытались присвоить религиозным обществам политические права, изображая дело таким образом, будто Советская Конституция дает религиозным организациям право выставить своих кандидатов в Советы и т. д. и т. п.

Капиталистическое окружение всегда вдохновляло морально и поддерживало материально контрреволюционную деятельность церковников. Клерикальные и буржуазные газеты, многочисленная армия ксендзов, пасторов, епископов и т. д. еще и теперь распространяют клеветнические утверждения о якобы имеющих место в СССР гонениях на религию.

Троцкистско-бухаринские мерзавцы и буржуазные националисты в своей борьбе против трудящихся, в своих попытках реставрировать капитализм в нашей стране также действовали в союзе с реакционной поповщиной. Целый ряд попов, сектантских проповедников, мулл, ксендзов и других служителей религиозных культов публично попытался взять под свою защиту отъявленных врагов народа. Например, баптист Ревнивцев, бухгалтер механических мастерских Шаумянского района г. Баку, на собрании, где обсуждался вопрос о процессе контрреволюционеров-троцкистов, выступил с оправданием троцкистов.

Поп Горанович, организовавший в Омской области контрреволюционную группу церковников, в своем показании суду заявил: «В случае победы правых, Бухарина и Рыкова, мы рассчитывали на изменение отношения к священнослужителям со стороны государства». Эти и подобные им другие факты показывают, что между реакционной поповщиной и троцкистско-бухаринскими бандитами существует глубокая связь — и те и другие стремятся к одной и той же цели — реставрации капитализма. Не удивительно, что в целом ряде случаев эта связь закрепляется и организационно: Попы в ряде случаев вместе с троцкистами и бухаринцами и буржуазными националистами занимаются шпионажем, диверсиями, являются платной агентурой фашизма. Факты этого порядка в достаточной степени известны.

Пробравшись кое-где к руководству, враги народа всячески извращали политику партии и Советской власти, в частности политику в отношении религиозных организаций, выраженную в отделении церкви от государства. Стараясь возбудить недовольство верующих против Советской власти и коммунистической партии, враги народа в противовес указаниям партии и Советской власти в ряде мест закрывали церкви вопреки желанию верующих, практиковали всякие запреты в области свободного отправления религиозного культа и т. д. В Вичуге, например, долгое время велась упорная линия на закрытие всех церквей. Такие же факты известны по ряду районов Ленинградской, Смоленской, Горьковской и других областей.

Враги народа проникали в организации, ведущие антирелигиозную работу, и там вели свою вредительскую деятельность.

Враги народа, таким образом, различными средствами и путями пытались вредить трудящимся на антирелигиозном фронте. Они ослабляли нашу борьбу против реакционной поповщины и укрепляли позиции церковников. Агенты фашизма извращали, вредительски нарушали декрет Советской власти об отделении церкви от государства и административными, насильственными мерами в борьбе с религией пытались вызвать недовольство у масс.

Советская политика по вопросу о религии и церкви не случайно подвергалась таким ожесточенным нападкам со стороны врагов, пытавшихся всяческими способами ее дискредитировать. Эта политика, выраженная в декрете об отделении церкви от государства и школы от церкви, принесла за двадцать лет огромные положительные результаты. Проверенная на опыте всех двадцати лет борьбы за социализм, линия партии и Советской власти в вопросе о религии четко зафиксирована в Сталинской Конституции.

Только в нашей стране все трудящиеся, все граждане СССР пользуются действительной, а не формальной свободой совести. Никто за весь период существования Советского государства не был стеснен в области своих внутренних убеждений, никто не принуждался быть верующим или неверующим, быть членом какой-либо религиозной общины или принадлежать к Союзу безбожников.

На основе полной свободы совести для всех граждан развернулась систематическая идейная борьба против религии—этого «опиума народа»—и выросло массовое атеистическое движение. Целые семьи, деревни порывали и порывают с религией, становятся в ряды активных борцов с религиозным дурманом. Создалась массовая антирелигиозная организация трудящихся—Союз воинствующих безбожников,—объединяющая на добровольных началах сознательных граждан СССР, желающих вести идейным путем борьбу с религией.

Впервые в нашей стране за всю историю человечества вместе с уничтожением эксплуатации и причин, ее порождавших, религия лишилась прежней своей социальной основы, питавшей и поддерживавшей ее существование. Религия является пережитком эксплуататорского строя в сознании людей, успешно преодолеваемым в процессе социалистического строительства.

Таковы итоги ленинско-сталинской политики в вопросе о религии. Выборы в Верховный Совет СССР еще раз подтвердили правильность этой политики, ее соответствие коренным интересам трудящихся нашей страны.

Все это показывает, что коммунистическая партия и Советская власть нашли действительно правильное разрешение задач в этой области. Политика Советской власти и коммунистической партии в вопросе об отношении к религии—глубоко верная политика, подлинно народная, соответствующая интересам трудящихся.

Безбожники борются не против верующих, а против религии, причем ведут эту борьбу осторожно, терпеливо, не оскорбляя чувств верующих, методами убеждения, а не принуждения, покая, а не приказа.

Живучесть религиозных пережитков и их реакционный характер всячески пытаются и будут пытаться использовать в своих

интересах враги трудящихся и капиталистическое окружение. Стоя на страже точного и неуклонного выполнения советского законодательства по вопросу о религии, обеспечивая полную свободу совести всем гражданам нашей страны, мы должны еще активнее развернуть под руководством партии Ленина—Сталина антирелигиозную пропаганду, направленную на окончательное и полное преодоление религиозных пережитков в нашей стране.

Эта задача далеко не в полной мере осознается, к сожалению, всеми работниками наших культурно-просветительных организаций и даже некоторыми антирелигиозниками. Кое-где в связи с исключительно успешными результатами выборов в Верховный Совет появились настроения явного успокоения на антирелигиозном фронте. Замечаются признаки своего рода «головокружения от успехов». Это совершенно недопустимая, антипартийная вещь. Задача сейчас состоит в том, чтобы максимально усилить антирелигиозную пропаганду, придать ей подлинно воинствующий характер, вести антирелигиозную работу оперативно, т. е. давать своевременно отпор всякой вылазке служителей культов, разоблачая их тут же, на месте.

Особенное внимание должно быть направлено сейчас на работу среди верующих, т. е. среди тех, кто находится еще в плену у религиозной идеологии и поэтому поддается влиянию реакционного духовенства. Задача наша в том, чтобы дойти до каждого верующего, охватить его нашим влиянием, организовать индивидуальную антирелигиозную работу среди верующих.

Другая основная задача, без которой невыполнима первая,—это увеличение числа антирелигиозных работников. За период выборов в Верховный Совет появились на избирательных участках тысячи новых агитаторов и пропагандистов и среди них немало антирелигиозников. Надо учесть их, вовлечь в систематическую антирелигиозную работу, помочь им советом, консультацией, повысить их знания в этом вопросе. К антирелигиозной пропаганде должны быть привлечены сейчас широчайшие кадры научных работников, силы советской интеллигенции: учителя, врачи, агрономы, инженеры, техники, преподаватели и студенты вузов, аспиранты и т. д.

Всей антирелигиозной пропаганде должен быть придан массовый характер, подлинно большевистский размах.

(Журнал «Под знаменем марксизма» № 1 за 1938 г.)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕКРЕТ

Двадцать лет назад победоносная социалистическая революция самым коренным образом разрешила одну из не разрешенных буржуазно-демократической революцией задач — задачу отделения церкви от государства и школы от церкви. 23 января 1918 г. за подписью В. И. Ленина был опубликован исторический декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви. Этот декрет впервые в истории человечества провозгласил принципы подлинной свободы совести, обеспечил самые широкие возможности для ведения антирелигиозной пропаганды, для освобождения многомиллионных масс от религиозных предрассудков.

Отделение церкви от государства и школы от церкви, являющееся основой для свободы совести граждан, неоднократно провозглашалось в отдельных буржуазно-демократических странах, но ни в одной из них не было осуществлено последовательно и до конца вследствие неразрывных связей буржуазного государства с церковью.

Буржуазия в тот период, когда она вела борьбу против феодального общественного строя и против церкви, которая освящала и поддерживала этот строй, выдвинула из своей среды передовых мыслителей, открыто и смело выступавших против союза церкви с государством, против гнусного и позорного преследования людей за их религиозные убеждения, расходившиеся с принципами государственной религии. Устами этих передовых борцов были сформулированы требования об отделении церкви от государства, невмешательстве государства в дела совести граждан, о прекращении преследования людей за их религиозные убеждения или за неверие, об уравнивании людей в их гражданских правах независимо от их вероисповедания.

Великий материалист и атеист XVII в. Бенедикт Спиноза в своем «Богословско-политическом трактате» провозглашает свободу вероисповеданий одним из необходимых принципов «свободного государства».

Другим видным борцом за свободу совести в XVII столетии был Джон Локк.

Желая избежать преследований со стороны папистской реакции в Англии при Якове II, Локк переехал в Голландию, где закрепились и оформились его взгляды в защиту свободы

совести. В 1685 г. Локк написал свое знаменитое письмо о веротерпимости, которое, однако, было издано лишь весной 1689 г. В этом письме, подвергая суровому бичеванию инквизиторов за преследования и казни «еретиков», Локк сформулировал и обосновал принципы свободы совести. Он решительно высказался за отделение церкви от государства и за невмешательство последнего в дела веры.

Наряду с этим характерно, однако, что деист Локк высказался против свободы для атеистов, считая, что стоит только людям отказаться от идеи бога, как всеобщая сумятица охватит мир.

В феодальной Франции, где в свое время особенно свирепствовала религиозная нетерпимость; виднейшим защитником религиозной свободы выступал Пьер Бейль. Осмеивая насильственную борьбу против религиозных заблуждений, он метко заметил:

«Опровергать заблуждения палочными ударами не столь же ли абсурдно, как выступление против бастионов с речами и силлогизмами?..»

В отличие от Локка, Бейль требовал свободы не только для тех или иных религиозных течений, но также и для атеизма.

Принципы «свободы совести», изложенные Бейлем, были восприняты и развиты в более радикальной форме французскими атеистами XVIII столетия.

«Как! Заря терпимости еще не взошла? — восклицает один из блестящих представителей французского атеизма — Гельвеций. — Как! Честные люди ненавидят и преследуют друг друга из-за слов, зачастую из-за того, что они носят различные названия лютеран, кальвинистов, католиков, магометан и т. п.»

В статье «Терпимость» энциклопедисты заявляли, что свобода совести не может быть осуществлена без отделения церкви от государства.

«Мы никогда не поставим вопрос на надлежащую почву, — сказано в «Энциклопедии», — если не отделим сначала государства от церкви и священника от правительства».

Школа Гольбаха и Дидро в категорической форме требовала упразднения государственной религии и уничтожения всех форм преследования «инаковерующих». В своих трудах, особенно в «Священной заразе», Гольбах подверг уничтожающей критике союз церкви и государства и вскрыл основу этого союза — тирании с суеверием. «Повсюду, — писал Гольбах, — попы запугивают народ и обезоруживают его для того, чтобы деспот мог безнаказанно грабить его»¹.

Во имя гуманности государственная власть, согласно Гольбаху, не должна создавать привилегированное положение для одной религии и подвергать гонениям другие. Всякий король, пишет Гольбах, «который становится покровителем какой-нибудь секты, или религиозной партии, становится обыкновенно тираном

¹ П. Гольбах — Священная зараза. ГАИЗ. 1936. Стр. 80.

по отношению к другим сектам и сам становится жесточайшим нарушителем общественного спокойствия в своих государствах»¹.

Не случайно, конечно, Гольбах считает свободу вероисповедания только первым шагом к гуманности. Воинствующие атеисты XVIII столетия во имя полного человеколюбия требовали осуществления мер для упразднения религии, которую считали одним из основных пороков и бичей рода человеческого. Согласно французским атеистам, государство не только не должно материально и морально поддерживать религию, но во имя счастья граждан обязано ограничить права религиозных организаций и распространять просвещение. Гольбах, Дидро и их единомышленники требовали безоговорочного отделения школы от церкви и лишения духовенства прав на воспитание молодежи.

Этим прогрессивным, революционным взглядам не суждено было в сколь-либо радикальной и последовательной форме воплотиться в действительность в буржуазно-демократических странах. Пришедшая к власти буржуазия, как эксплуататорский класс, не могла порвать с религией, ибо она нужна была буржуазии для обуздания трудящихся масс. Буржуазная революция не отбросила церковь и религию, а лишь приспособила их для разрешения своих классовых эксплуататорских задач.

В статье «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции» Ленин писал: «Возьмите религию или бесправие женщины или угнетение и неравноправие нерусских национальностей. Это все вопросы буржуазно-демократической революции»². Но, как указывал далее Ленин, ни в одной даже из самых передовых буржуазных стран они не были разрешены в буржуазно-демократическом направлении до конца. «Полтораста и двести пятьдесят лет тому назад, — писал Ленин, — обещали народам передовые вожди этой (буржуазно-демократической. — Ф. М.) революции (этих революций, если говорить о каждом национальном виде одного общего типа) освободить человечество от средневековых привилегий, от неравенства женщины, от государственных преимуществ той или иной религии (или «идеи религии», «религиозности» вообще), от неравноправия национальностей. Обещали — и не выполнили. Не могли выполнить, ибо мешало «уважение» — к «священной частной собственности»³. Всякое, даже наиболее демократическое буржуазное государство, являющееся органом классового гнета эксплуататорского класса над трудящимися, нуждается в религии, ибо она является дурманом народа, орудием духовного угнетения масс. Поэтому, как указывает 13-й § программы ВКП(б), несмотря на то, что буржуазная демократия выставляет задачу отделения церкви от государства и школы от церкви, она эти задачи «нигде в мире не довела до конца благодаря многообразным фактическим связям капитала с религиозной пропагандой»⁴.

¹ П. Гольбах — Здравый смысл. Стр. 201.

² Ленин — Соч., т. XXVII, стр. 25.

³ Там же, стр. 26.

⁴ Программа и Устав ВКП(б). Партиздат 1937. Стр. 46.

* * *

Органическое сращивание государственного аппарата с церковью, полицейско-поповская опека над совестью граждан, казачьи законы против отпавших от казенной церкви, насильственное крещение, вопиющие формы издевательства и ограничение гражданских прав «иноверцев», беспощадная борьба против атеистических взглядов составляли содержание политики царского самодержавия в области религиозных отношений. Эта политика вытекала из самых основ помещичье-капиталистической системы. Подавление свободы совести было одним из выражений средневекового, крепостнического гнета над личностью.

Беспощадно расправляясь со всеми демократическими свободами, царское правительство, конечно, не делало исключения и для свободы совести.

Большевистская партия всегда уделяла большое внимание вопросу об отделении церкви от государства, вопросу свободы совести.

Изучение произведений Ленина и Сталина, программных документов партии показывает, что все параграфы исторического декрета 1918 г. об отделении церкви от государства и школы от церкви были разработаны и теоретически обоснованы еще задолго до Великой социалистической революции.

Ленин и Сталин развили и конкретизировали как вообще учение Маркса и Энгельса о борьбе с религией, так и, в частности, вопрос об отношении партии к религии и церкви.

В проекте программы партии, написанном Лениным в тюрьме в 1895 г., содержалось требование уничтожения гнета над совестью граждан и уравнивания их в правах независимо от вероисповедания. Партия, как указывалось в проекте программы, требует:

...«2. Всеобщего и прямого избирательного права для всех русских граждан, достигших 21 года, без различия вероисповедания и национальности».

...«6. Свободы вероисповедания и равноправности всех национальностей. Передачи ведения метрик в руки самостоятельных гражданских чиновников, независимых от полиции»¹.

Известно, что в предложенном в 1902 г. Плехановым проекте программы партии говорилось только о требовании свободы совести. Ленин, подвергший принципиальной критике всю плехановскую программу, настоял также на включении в программу партии пункта об отделении церкви от государства и школы от церкви.

Принятая II съездом программа Российской социал-демократической рабочей партии включала в себя следующие пункты о свободе совести:

...«5. Неограниченную свободу совести, слова, печати, собраний, стачек и союзов».

¹ Ленин — Соч., т. I, стр. 426.

...«7. Уничтожение сословий и полную равноправность всех граждан, независимо от пола, религии, расы и национальности».

...«13. Отделение церкви от государства и школы от церкви»¹.

В статье «Социализм и религия» Ленин дал исчерпывающее разрешение вопроса о свободе совести с точки зрения революционного марксизма, нанеся сокрушительный удар оппортунистическому отношению к религии.

«Религия, — писал Ленин, — должна быть объявлена частным делом — этими словами принято выражать обыкновенно отношение социалистов к религии. Но значение этих слов надо точно определить, чтобы они не могли вызывать никаких недоразумений. Мы требуем, чтобы религия была частным делом по отношению к государству, но мы никак не можем считать религию частным делом по отношению к нашей собственной партии. Государству не должно быть дела до религии, религиозные общества не должны быть связаны с государственной властью. Всякий должен быть совершенно свободен исповедывать какую угодно религию или не признавать никакой религии, т.е. быть атеистом, каковым и бывает обыкновенно всякий социалист»². Далее Ленин требовал уравнивания всех граждан в их правах перед законом, независимо от религиозных или антирелигиозных убеждений, прекращения материальной помощи церкви со стороны государства, превращения религиозных организаций в независимые от государства союзы граждан-единомышленников, уничтожения всякого упоминания о том или ином вероисповедании граждан в официальных документах. «Только выполнение до конца этих требований может покончить с тем позорным и проклятым прошлым, когда церковь была в крепостной зависимости от государства, а русские граждане были в крепостной зависимости у государственной церкви, когда существовали и применялись средневековые, инквизиторские законы (по сию пору остающиеся в наших уголовных уложениях и уставах), преследовавшие за веру или за неверие, насиловавшие совесть человека, связывавшие казенные местечки и казенные доходы с раздачей той или иной государственно-церковной сивухи. Полное отделение церкви от государства — вот то требование, которое предъявляет социалистический пролетариат к современному государству и современной церкви»³. Борьбу за свободу совести Ленин всегда рассматривал как часть общей борьбы против абсолютизма, против крепостнического гнета над трудящимися. Отделение церкви от государства и школы от церкви Ленин считал одним из демократических требований революционного пролетариата.

В 1903 г. Николай II, перепуганный нарастающим подъемом революционного движения в стране, издал специальный мани-

фест, где в числе других лживых с самого начала и до конца обещаний говорил о необходимости подтверждения и закрепления законов, обеспечивающих свободу вероисповедания для всех вероучений. (Характерно, что даже в этом лицемерном и лживом документе вновь говорилось о незыблемости положения православной церкви как церкви господствующей). В статье «Самодержавие колеблется» Ленин вскрыл причины появления этого царского манифеста и разоблачил его провокационный характер. Ленин указывал, что всякие разговоры о свободе совести остаются недостойной ложью, пока отсутствуют другие политические свободы.

«...Мы требуем, — писал Ленин, — немедленного и безусловного признания законом свободы сходок, свободы печати и амнистии всех «политиков» и всех сектантов. Пока этого не сделано, всякие слова о терпимости, о свободе вероисповедания останутся жалкой игрой и недостойной ложью. Пока не объявлена свобода сходок, слова и печати, — до тех пор не исчезнет позорная русская инквизиция, травящая исповедание неказенной веры, неказенных мнений, неказенных учений. Долой цензуру! долой полицейскую и жандармскую охрану «господствующей» церкви! За эти требования русский сознательный пролетариат будет биться до последней капли крови»¹. Ленин указывал, что, борясь за свободу совести, включая сюда и свободу отправления всех религиозных культов, партия не делает никакой уступки религиозному мировоззрению. Партия борется и борется против всех форм религиозного мировоззрения. Она категорически отвергала административное принуждение в этом вопросе.

Товарищ Сталин в своей замечательной работе «Марксизм и национальный вопрос» со всей четкостью и решительностью подчеркнул, что партия, отстаивая принцип свободы совести, не должна ограничиваться этим, а должна неустанно вести идеологическую борьбу против религиозного мировоззрения. «Социал-демократия, — писал товарищ Сталин, — всегда будет протестовать против гонений на католицизм и протестантизм, она всегда будет защищать право наций исповедывать любую религию, но в то же время она, исходя из правильно понятых интересов пролетариата, будет агитировать и против католицизма, и против протестантизма, и против православия, с тем, чтобы доставить торжество социалистическому мировоззрению»².

Ленин разоблачал иллюзии о возможности отделения церкви от государства и осуществления свободы совести мирным путем, «сверху», руками самих эксплуататорских классов. В сентябре 1901 г. в Орле был созван миссионерский съезд. На этом съезде предводитель дворянства Орловской губернии М. Стахович предложил возбудить от имени съезда ходатайство перед правитель-

¹ Ленин — Соч., т. V. Приложения. Программа Российской с.-д. рабочей партии, принятая II съездом. 1903 г., стр. 386—387.

² Ленин — Соч., т. VIII, стр. 420.

³ Там же, стр. 420.

¹ Ленин — Соч., т. V, стр. 251.

² Сталин — Марксизм и национально-колониальный вопрос. Парт. издат 1937. Стр. 39.

ством об отмене уголовной кары за отпадение от православия, а также об осуществлении свободы совести. Духовенство, конечно, отклонило предложение М. Стаховича. Реакционно-мракобеснические круги проявили свое крайнее негодование в связи с «поступком» либеральничествующего предводителя дворян. В передовой статье «Московские Ведомости» поторопились возвести Стаховича в Робеспьеры. Ленин, осмеивая весь этот фарс, писал: «Разумеется, насколько наивно было со стороны «Московских Ведомостей» произвести г. Стаховича в Робеспьеры... настолько же, в своем роде, был наивен г. Стахович, предлагая попам ходатайствовать «пригодным порядком» о свободе совести. Это все равно, что на съезде станových предложить бы ходатайствовать о политической свободе!»¹.

Ленин неоднократно указывал, что русская буржуазия не желает и не в состоянии вести сколько-нибудь радикальную борьбу против религии и церкви и что вся ее политика в данном вопросе сводится к попытке обновления и подчищения религии и церкви от устаревшего и непригодного средневекового облачения. Ленин учил, что, поскольку пролетариат является гегемоном буржуазно-демократической революции, которая по мере сознательности и организованности рабочего класса должна перерасти в революцию социалистическую, постольку борьба за отделение церкви от государства и завоевание свободы совести ложатся на плечи пролетариата.

«Пролетариат, — писал Ленин, — есть вождь нашей буржуазно-демократической революции. Его партия должна быть идейным вождем в борьбе со всяким средневековьем, а в том числе и со старой, казенной религией и со всеми попытками обновить ее или обосновать заново или по-иному и т. д.»².

Следует отметить непримиримую принципиальную противоположность в постановке вопроса об отделении церкви от государства между Лениным и некоторыми представителями русской буржуазии, которые договаривались до этого мероприятия.

Прожженные дипломаты русской буржуазии в III Государственной Думе типа Милюкова отлично понимали, что превращение церкви в полицейский институт, связь государства и церкви в той форме, в которой она существовала в России, содействовали лишь падению авторитета религии и церкви в глазах эксплуатируемого народа. «Левый октябрист» Кетцейн сокрушался с трибуны III Государственной Думы по случаю падения религиозности масс. В своей речи он говорил: «Если мы обратимся к народной жизни, к жизни сельского населения, то сейчас, теперь мы видим печальное явление — колеблется религиозная жизнь, колеблется величайшая единственная основа православного строя населения.

...Чтобы религия, как основа нравственности продолжала суще-

ствовать, была доступна всему населению, нужно, чтобы проповедники этой религии пользовались надлежащим авторитетом...»

Некоторые представители русской буржуазии были непрочь освободить церковь от излишней опеки государства, разгрузить ее от некоторых полицейских функций, найти иные, не бросающиеся в глаза формы связи государства и церкви, не препятствовать возникновению и расширению некоторых религиозных течений (сектантства), наиболее приспособленных для утонченного одурманивания трудящихся, и т. д.

Таким образом, если из среды русской буржуазии и исходили порой робкие, половинчатые разговоры об отделении церкви от государства, то это мероприятие мыслилось не как средство борьбы против церкви и религии и обеспечения за гражданами подлинной свободы, в том числе и свободы антирелигиозной пропаганды, а, напротив, оно преследовало лишь задачу укрепления и религии и церковных организаций.

С совершенно противоположных позиций подходила партия Ленина — Сталина, выдвигая требование отделения церкви от государства и обеспечения полной свободы совести.

Партия большевиков всегда рассматривала отделение церкви от государства как мероприятие атеистическое по своему существу, как мероприятие, содействующее ослаблению влияния религии и позиций духовенства. Еще в 1905 г. Ленин говорил о том, что отделение церкви от государства является условием для широкой и успешной борьбы против религиозного мракобесия.

«Мы требуем, — писал Ленин в «Социализме и религии», — полного отделения церкви от государства, чтобы бороться с религиозным туманом чисто идейным и только идейным оружием, нашей прессой, нашим словом»¹.

Статью свою Ленин закончил следующими знаменательными словами:

«Революционный пролетариат добьется того, чтобы религия стала действительно частным делом для государства. И в этом, очищенном от средневековой плесени, политическом строе, пролетариат поведет широкую, открытую борьбу за устранение экономического рабства, истинного источника религиозного одурения человечества»².

Контрреволюционное Временное правительство не осмелилось отделить церковь от государства и школу от церкви. Это мероприятие, как и все основные задачи буржуазно-демократической революции, Временное правительство оставляло на рассмотрение будущего учредительного собрания. Нужно ли говорить, что это была простая уловка для наглого обмана масс.

Казенная церковь сохранила за собой все права и привилегии. Вместе с контрреволюционным Временным правительством церковь яростно боролась против революции и в первую очередь против большевистской партии и ее революционных лозунгов.

¹ Ленин — Внутреннее обозрение. Соч., т. IV, стр. 322.

² Ленин — Соч., т. XIV, стр. 75.

¹ Ленин — Социализм и религия. Соч., т. VIII, стр. 421.

² Там же, стр. 422—423.

Назначенный обер-прокурором синода Львов стремился к тому, чтобы слегка реорганизовать церковь и сделать ее более действенным оружием в руках империалистической буржуазии.

Ведя бешеную, остервенелую агитацию против большевизма, отцы церкви одновременно пытались популяризовать и освятить именем бога все контрреволюционные, империалистические мероприятия Временного правительства.

Из кожи вылезая вон, поповщина агитировала за «продолжение войны до победного конца», приводила солдат к присяге на верность Временному правительству, агитировала за пресловутый «Заем свободы», собирала пожертвования на продолжение империалистической бойни, распространяла самые грязные и нелепые слухи про большевиков и т. д.

Церковь благословила расстрел июльской демонстрации. Она приняла торжественное участие в похоронах казаков, убитых в июльские дни. Тысячами нитей поповщина была связана с корниловщиной и пыталась содействовать ее успеху. Вместо того, чтобы отделить церковь от государства, Временное правительство создало целое министерство по делам веры — министерство вероисповеданий. Кадеты, меньшевики, эсеры в дружном единении оказывали содействие созыву очага религиозной контрреволюции — поместного собора российской православной церкви.

На открытии этого контрреволюционного поповского собрания присутствовал «сам» Керенский. От имени эсеров приветствовал собор В. Руднев. Меньшевики также содействовали деятельности собора, возлагая на последний много надежд и чаяний.

Вся контрреволюционная шваль от Корнилова до Керенского и Церетели лелеяла себя надеждой, что поповщине удастся противопоставлением религии большевизму повести «православного мужика» против социалистической революции.

Итак, отношения церкви и государства после Февральской революции не только не были разорваны, но продолжали все более и более крепнуть.

Лишь Великая Октябрьская социалистическая революция, мигом одолев осуществившая неразрешенные задачи буржуазно-демократической революции, осуществила также отделение церкви от государства и школы от церкви. Пролетарская революция камня на камне не оставила от тех гнусных, омерзительных законов царской России, которые насиловали свободу совести граждан мерами полицейского принуждения.

Диктатура пролетариата нанесла сокрушительный удар церковно-монастырскому могуществу. По декрету о земле, положившему конец помещичьему землевладению, церкви и монастыри лишились своих земель «со всем их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями...»

2 ноября 1917 г. декларация прав народов России, разработанная Лениным и Сталиным, отменила какие бы то ни стало национальные и религиозные привилегии и ограничения.

11 декабря специальным постановлением дело воспитания и образования из духовного ведомства было передано Комисса-

риату Народного Просвещения. Тем самым поповщина была изгнана из школ.

18 декабря был издан декрет о гражданском браке и гражданской метрикации. В декрете было сказано, что «Российская республика впредь признает лишь гражданские браки». Церковный брак был объявлен «частным делом брачующихся».

20 января издано было распоряжение о лишении церкви каких бы то ни было государственных денежных ассигнований.

Мобилизовавшая все свои черные силы церковь встретила Октябрьскую революцию со «скрежетом зубным» и открытыми выступлениями против победившей диктатуры пролетариата. В первые же дни революции церковный собор, заседавший в Москве, избрал митрополита московского Тихона в патриархи. Восстановление патриаршества в дни революции имело прямой контрреволюционный смысл. Патриарх, по замыслам светской и духовной контрреволюции, должен был стать знаменем борьбы против советской власти. С первых же своих шагов пресловутый Тихон пытался оправдать эти надежды. В Москве в дни Октябрьских боев поповщина предоставила колокольни в распоряжение контрреволюционных сил для установления пулеметов. Церковный собор нагло и цинично пытался помешать разгрому окопавшихся в Кремле юнкеров. Обстрел Кремля красногвардейцами был использован собором для разнузданной клеветнической агитации против советской власти.

Уже первые шаги советской власти, идущие по линии отделения церкви от государства (еще до появления соответствующего декрета), встретили яростное сопротивление поповщины. Так, например, поповщина спровоцировала вооруженное столкновение при занятии органами советской власти помещения Невской Лавры для нужд Комиссариата призрения.

Поповщина прибегла к самым различным средствам борьбы против принятия готовившегося декрета об отделении церкви от государства. Петроградский митрополит Вениамин 10 января 1918 г. обратился в Совет Народных Комиссаров с угрозами, «предупреждениями» по случаю готовившегося декрета.

В своем «ультиматуме» Вениамин говорил о стихийных волнениях, которые якобы будут вызваны декретом.

Любопытно отметить, что «отцы церкви», эти вековые враги русского народа, пытались запугать Совнарком именем «православного народа». На письмо Вениамина В. И. Ленин наложил краткую резолюцию: «очень прошу коллегия при Комиссариате юстиции поспешить разработкой декрета об отделении церкви от государства».

20 января 1918 г. проект декрета был просмотрен и подписан Лениным. 1 параграф проекта декрета гласил: «Религия есть частное дело каждого гражданина Российской республики». Ленин вычеркнул этот неопределенный и абстрактный параграф и собственноручно вписал: «Церковь отделяется от государства». Лениным были внесены также и другие исправления.

Декрет был опубликован в газетах 23 января 1918 г. под на-

званием «Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах». В дальнейшем этот же документ вошел в Собрание узаконений (1918 г., № 18, ст. 263) под названием «декрет Совета Народных Комиссаров, об отделении церкви от государства и школы от церкви». Этот всемирно-исторический документ, впервые в истории человечества последовательно и до конца отделивший церковь от государства и школу от церкви, состоял из следующих 13 параграфов:

«1. Церковь отделяется от государства.

2. В пределах Республики запрещается издавать какие-либо местные законы или постановления, которые бы стесняли или ограничивали свободу совести, или устанавливали какие бы то ни было преимущества или привилегии на основании вероисповедной принадлежности граждан.

3. Каждый гражданин может исповедывать любую религию или не исповедывать никакой. Всякие праволишения, связанные с исповеданием какой бы то ни было веры или неискповеданием никакой веры, отменяются.

Примечание. Из всех официальных актов всякое указание на религиозную принадлежность и непринадлежность граждан устраняется.

4. Действия государственных и иных публично-правовых общественных установлений не сопровождаются никакими религиозными обрядами или церемониями.

5. Свободное исполнение религиозных обрядов обеспечивается постольку, поскольку они не нарушают общественного порядка и не сопровождаются посягательствами на права граждан Советской Республики.

Местные власти имеют право принимать все необходимые меры для обеспечения в этих случаях общественного порядка и безопасности.

6. Никто не может, ссылаясь на свои религиозные воззрения, уклоняться от исполнения своих гражданских обязанностей.

Изъятия из этого положения, под условием замены одной гражданской обязанности другою, в каждом отдельном случае допускаются по решению народного суда.

7. Религиозная клятва или присяга отменяется.

В необходимых случаях дается лишь торжественное обещание.

8. Акты гражданского состояния ведутся исключительно гражданской властью: отделами записи браков и рождений.

9. Школа отделяется от церкви.

Преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы, не допускается.

Граждане могут обучать и обучаться религии частным образом.

10. Все церковные и религиозные общества подчиняются общим положениям о частных обществах и союзах и не пользуются никакими преимуществами и субсидиями ни от государства, ни от его местных автономных и самоуправляющихся установлений.

11. Принудительные взыскания сборов и обложений в пользу

церковных и религиозных обществ, равно как меры принуждения или наказания со стороны этих обществ над их сочленами, не допускаются.

12. Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют.

13. Все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ объявляются народным достоянием.

Здания и предметы, предназначенные специально для богослужебных целей, отдаются, по особым постановлениям местной или центральной государственной власти, в бесплатное пользование соответственных религиозных обществ».

Необходимо прежде всего отметить последовательно-революционный характер и атеистическую заостренность этого замечательного декрета Великого Октября. Как декрет в целом, так и каждый его отдельный параграф, в отличие, например, от французского буржуазного декрета об отделении церкви от государства, открыто преследует задачу создания условий для преодоления реакционного, антинаучного мировоззрения. Впервые в истории человечества советский декрет провозгласил право гражданина не только исповедывать какую он желает религию, но и не исповедывать никакой религии, т. е. быть атеистом.

Декрет нанес сокрушительный удар могуществу церкви — этому необходимому атрибуту помещичье-капиталистической государственной машины. Церковь была частью государственного аппарата. Церкви и монастыри (в особенности православные) были крупными помещичье-капиталистическими собственниками. В их руках были сконцентрированы миллионные богатства. Церковные организации имели права юридического лица, права владеть собственностью, совершать крупные сделки и т. д. На основании декрета церковные организации были лишены этих прав. Церковные капиталы и имущества, созданные путем векового грабежа и бесшабашной эксплуатации трудящихся, были объявлены народным достоянием. Декрет лишил вековых разбойников в рясах возможности грабежа населения под видом взыскания всевозможных обязательных сборов и обложений. Таким образом социалистическая революция разрушила помещичье-капиталистическую экономику церкви и тем самым существенно подорвала влияние реакционного духовенства.

В царской России школа была вотчиной попов. Трудящиеся вынуждены были отдавать своих детей на «воспитание» в поповские школы. Огромная армия тупых и невежественных «батюшек» была призвана царизмом воспитывать подрастающее поколение в духе рабского смирения перед несуществующим богом и его «помазанником» — царем. Советская власть, отделив школу от церкви, раз и навсегда изгнала из школ попов, этих жрецов реакции. тьмы и невежества.

Декрет строго ограничил функции религиозных организаций, превратив их в общины граждан-единомышленников, общины,

преследующие исключительно задачу «отправления религиозного культа. Декрет уничтожил все формы связи религиозных организаций с государством, лишил их права всякого вмешательства в государственную и общественно-политическую жизнь страны.

Ущемляли ли все эти мероприятия в какой бы то ни было степени свободу совести верующего гражданина? Ни в какой степени. Напротив, только советский декрет обеспечил подлинную свободу совести граждан. Октябрьская социалистическая революция разбила тесные узы государства с церковью. Она покончила с тем позорным и проклятым прошлым, когда церковь являлась учреждением государственным, казенным, когда всякое выступление против религии и церкви рассматривалось как тягчайшее государственное преступление и каралось иногда смертной казнью, или же ссылкой на каторжные работы. Революция уничтожила привилегированное положение православной церкви, как церкви «первенствующей и господствующей». Она вычеркнула навсегда омерзительные законы царизма, которые закрепляли неравенство граждан в зависимости от их вероисповедания. Она покончила с тем позорным прошлым, когда полицейскими мерами, нагайкой, ссылкой вовлекали иноверцев в лоно православия и этими же мерами охраняли православных от «соблазна» перейти в какую-нибудь иную веру и от неверия. Революция упразднила всякое навязывание веры гражданину. Революция наряду с другими демократическими свободами обеспечила трудовой народ полной свободой в вопросах веры и неверия. Декрет 1918 г. юридически оформил эти великие завоевания Октябрьской революции.

Объявление церковных имуществ народным достоянием, лишение церкви права юридического лица, права владеть собственностью и т. д. ни в какой степени не отражались на правах верующего гражданина выбирать себе любую религию и беспрепятственно отправлять религиозный культ. Вышеназванные мероприятия, предусмотренные декретом, задевали не верующего, а черносотенных воротил религиозных организаций, этих подлинных хозяев капиталов церквей, этих заклятых врагов трудового народа, которые правильно усмотрели, что декрет наносит смертельный удар по их контрреволюционным чаяниям и ожиданиям. Декрет, по образному выражению товарища Ярославского, «словно обухом по голове, ударил сотни тысяч паразитов в рясах, ермолках, чалмах и цилиндрах»¹.

Светская и духовная контрреволюция подняла дикий вой в связи с опубликованием декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви.

Поповщина пыталась «апеллировать» к массам. Она прибегала к омерзительной лжи, когда именем всех святых клялась в том, что будто бы «богатства церкви — богатства самого народа», и, дескать, не к чему было их национализировать.

«...Высокая англиканская церковь, — заметил Маркс, — скорее простит нападки на 38 из 39 членов ее символа веры, чем напад-

ки на 1/39 ее денежного дохода»¹. Ожесточенная борьба поповщины в России против национализации церковных ценностей доказала, что слова Маркса относятся не только к церкви англиканской.

В связи с опубликованием декрета об отделении церкви от государства церковный собор вынес специальное постановление. В этом контрреволюционном постановлении собор попытался объявить декрет «гонением на веру», и в первую очередь на православную веру. Собор пригрозил всеми «карами небесными» каждому, кто осмелится проводить в жизнь советский декрет. Наряду с постановлением собор стал распространять особое воззвание. В этом воззвании собор призывал «православный народ» оказать всяческое сопротивление проведению декрета в жизнь. В городах и селах контрреволюционная поповщина, абсолютно извратив смысл декрета, призывала верующих «заступиться за веру». В Петрограде и Москве и других городах попы организовали специальные крестные ходы против декрета. Во многих городах контрреволюционное духовенство создало специальные организации (приходские союзы) для борьбы против осуществления декрета. Так, например, в феврале 1918 г. было организовано «московское братство союза ревнителей и проповедников православия». В уставе этого общества было сказано, что оно борется за возвращение церковникам национализированных богатств, за возвращение религиозным организациям прав юридического лица и т. д.

Такие общества были созданы во множестве городов Советской России. Постановление «святейшего патриарха и священного синода» от 15 (28) февраля 1918 г. обязывало духовенство противодействовать осуществлению декрета. Патриарх и синод обязывали многотысячную поповскую армию не отдавать метрических книг, не вступать в объяснения с представителями советской власти, напротив, набатным звоном, рассылкой гонцов подымать на ноги верующих, провоцировать их выступления против советской власти. В Омске местный епископ Сильвестр тщетно пытался спровоцировать кровавое столкновение казаков и солдат с органами советской власти. В Петрограде от имени братства православных приходов было выпущено попами контрреволюционное воззвание к казакам и солдатам с призывом «заступиться за веру». В феврале 1918 г. в Ярославле светской и духовной контрреволюции удалось спровоцировать вооруженное столкновение. Кровавые эксцессы были спровоцированы контрреволюционным духовенством и в ряде других мест. По наущению поповщины были убиты и ранены несколько представителей советской власти во время исполнения своих обязанностей по проведению декрета в жизнь.

Против советского декрета ополчились не только православные попы, но и духовенство всех иных вероисповеданий. Попы различных вероисповеданий выступили в трогательном единении,

¹ Маркс — Капитал. Т. I, предисловие к первому изданию, стр. XIV.

¹ Ем. Ярославский — Против религии и церкви. Т. I, стр. 254.

забыв о всех своих былых распрях и спорах. В июне 1918 г. духовенство созвало в Петрограде чрезвычайное собрание, на котором присутствовали не только православные попы. Здесь были: мусульманский имам, еврейский раввин, старообрядческий поп, лютеранский пастор, католический каноник и другие. Попы торжественно назвали это собрание «Конгрессом религии». Этот «конгресс» разноликих мракобесов горячо обсуждал, как сопротивляться изгнанию религии из советской школы.

Борьба поповщины против декрета была частью ее контрреволюционной деятельности против диктатуры пролетариата. Духовенство боролось против советской власти не только из-за декрета. Оно боролось против всех завоеваний Великой Октябрьской революции.

* *
*

Как ни грозила церковь поднять верующие массы на «священную» войну против великой коммунистической партии и советской власти, из этого, как и следовало ожидать, ничего не вышло. Черное воронье уподобилось синице, собравшейся было зазвечье море. Все вопли и заклинания «смирненных отцов», все бравады, анафемы, набатный трезвон и прочая инсценировка «большой войны» против советской власти позорно провалились. Коммунистическая партия развернула огромную агитационную работу для разъяснения революционной, освободительной, подлинно гуманистической сущности советского декрета об отделении церкви от государства. Большую роль как в деле практического осуществления декрета, так и в разъяснительной работе сыграл VIII отдел Наркомюста под руководством старого большевика, воинствующего пролетарского атеиста — П. А. Красикова.

Трудящиеся массы поняли, что советский декрет не только ни в какой степени не ущемляет свободу совести, но, наоборот, является ее гарантией. В деревнях проходили собрания, на которых специальные докладчики беседовали с крестьянами по вопросу о новом декрете.

Перед нами документы того времени, ярко свидетельствующие о той великой радости, с которой народ принял исторический декрет. Так, собрание верующих халдинской церкви, заслушав доклад, постановило:

«Приветствовать нашу рабоче-крестьянскую власть за отделение церкви от государства. Мы протестуем против контрреволюционной агитации служителей культа, внушающих нам, что декрет об отделении церкви от государства является угнетением веры, оскорблением святынь и насилием над нашей совестью. Мы теперь поняли, что декрет освободил нас от рабства перед духовными губернаторами, без разрешения которых мы не могли сделать ни одного шага в нашей религиозной жизни, мы теперь поняли, что наши митрополиты получают сотни тысяч народных денег и, нося бриллиантовые шапки, имея штат прислуги, разъезжая в каретах, живя в роскоши, сами блаженствовали в земном

царстве, а нам, угнетенным труженикам обещали царство небесное. Мы заявляем, что в церкви не допустима провокационная агитация служителей культа против рабоче-крестьянской власти. Мы обращаемся с просьбой перепечатать во всех центральных газетах, а различные религиозные группы просим не искажать декрет об отделении церкви от государства, а получше в нем разобраться. Подлинное подписали: председатель религиозного собрания Михаил Лужбин, секретарь С. Зорин».

В Манатьевской волости, Весегонского уезда, на общем собрании сельских советов по тому же вопросу была принята резолюция: «Признавая, что наравне с уничтожением рабства экономического мы должны освободиться и от рабства духовного, приветствуем декрет Совнаркома, дающий свободу совести, и смело заявляем, что время веры в попа, бога и чорта прошло и настало время веры в себя и в свои силы, которые нужны для борьбы с врагами»¹. Съезд председателей и секретарей волостных советов в Суздале в марте 1919 г. сказал: «Декрет об отделении церкви от государства заложил прочную основу освобождения трудовых масс от насильственного навязывания верований, обеспечив полную возможность думать, верить и учить согласно внутреннему убеждению, разбил религиозное рабство и провозгласил свободу вероисповедания»².

Народ получил теперь возможность свободно и смело высказать свое отношение к религии и церкви. Царизм травил безбожников, заставлял многих скрывать свои истинные взгляды на религию и церковь. Ведь безбожников немало было среди трудящихся и до Октябрьской революции.

Зато теперь люди, порвавшие с верой в бога, могли прямо высказать свое отношение к религии. И, действительно, сразу же после Октябрьской революции можно отметить уже немало случаев, когда трудящиеся выносят постановления о закрытии домов культа и превращение их в очаги культуры. В селе Куриловском, Непоротовской волости, Себежского уезда, Витебской губернии, трехтысячный сход крестьян еще в 1919 г. постановил: 1) выселить попа и псаломщика из дома, 2) дома эти обратить в школу и 3) самую церковь обратить в лекционный зал³. Жители деревни Плесецкой и поселка Плесец, Олонецкой губернии, подавляющим большинством также постановили устроить в церкви дом культуры. В Ижевском уезде комбеды постановили использовать под народный дом недостроенную церковь. Прихожане еврейских синагог в местечке Хиславичи, Смоленской губернии, предложили устроить в здании синагоги дом инвалидов и т. п. Подобных фактов уже в то время было немало.

С конца 1918 г. по требованию самих масс было приступлено к вскрытию «нетленных» мощей. Веками духовенство использовало эти мощи для затемнения сознания трудящихся масс, для

¹ Журнал «Революция и церковь» № 2 за 1919 г., стр. 34.

² Там же, стр. 35.

³ Там же, стр. 34.

отвлечения этих масс от революционной борьбы. Известно, каким неиссякаемым источником обогащения духовенства служили эти «священные» мощи. Трудно переоценить огромное атеистическое значение вскрытия мощей. Миллионы людей распознали жутьнические приемы «смиранных» шантажистов. Перед нами — одна из многочисленных резолюций трудящихся в связи со вскрытием мощей. Делегатки 2-й владимирской беспартийной конференции, осмотрев в кафедральном соборе местных мощи, заявили: «мощи, называемые нетленными, есть обман, затуманивание голов трудящегося народа со стороны буржуазии, и отныне делегатки съезда, убедившись в этом на деле, обещают бороться с религиозными предрассудками среди широких масс трудящихся. Протестуя против религиозного обмана и всяких выдумок духовенства, участницы съезда призывают всех трудящихся женщин отказаться от религиозных предрассудков, этого наследия капиталистического строя»¹.

В результате проведения в жизнь декретов о земле и об отделении церкви от государства трудящиеся получили в первые же годы революции сотни тысяч десятин монастырской и церковной земли, огромные богатства, награбленные церковными тунеядцами. К осени 1920 г. уже были ликвидированы 673 монастыря и трудовому крестьянству передано 827 540 десятин монастырской земли. От монастырей было изъято более 4 миллиардов рублей, национализировано несколько десятков заводов, сотни молочных ферм, скотных дворов, доходных домов, гостиниц и подворий. Разумеется, все эти богатства никакого отношения не имели к тому, в чем верующие видят смысл деятельности церкви. Ясно, что, проводя ликвидацию церковного и монастырского имущества, рабоче-крестьянское государство ни в какой мере не затрагивало этим свободу совести граждан.

После революции монастыри, эти очаги беспощадной эксплуатации трудового крестьянства, были использованы под различные общественно-полезные учреждения. Более полутора миллионов трудящихся поселились в строениях бывших монастырей, 48 монастырей были использованы под санатории и здравницы, 168 — под учреждения социального обеспечения, 197 — под учреждения народного образования, 349 — под учреждения Наркомздрава и т. п. В 1921 г., согласно декрету, было ликвидировано еще 49 монастырей.

Двадцать лет прошло со времени обнародования исторического декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви. Декрет открыл широчайшие возможности для преодоления реакционного религиозного мировоззрения. Партия и советская власть сделали все, от них зависящее, для превращения этих возможностей в реальную действительность.

Неуклонно руководствуясь на практике марксистско-ленинскими установками в вопросах борьбы против религии, партия

¹ Журнал «Революция и церковь» № 9—12 за 1920 г., стр. 82.

связывала освобождение трудящихся от религиозного дурмана прежде всего с уничтожением капиталистических отношений. Освобождение от религии совершалось на основе исторических побед социалистического строительства, непрерывного повышения материальной обеспеченности трудящихся, их политического и культурного уровня, путем терпеливой разъяснительной антирелигиозной работы. В процессе ожесточенной борьбы против всех врагов социализма миллионные трудящиеся массы распознавали эксплуататорскую сущность религии, классово-враждебное лицо духовенства. Партия во главе с товарищем Сталиным вела непримиримую борьбу на два фронта в вопросах антирелигиозной пропаганды: партия разоблачила как «левых» загибщиков, этих любителей административных, насильственных форм борьбы против религии, так и тех, которые пытались свернуть, ликвидировать дело освобождения масс от реакционного религиозного мировоззрения. Партия стремилась к тому, чтобы вся система народного просвещения: школы, клубы, избы-читальни, все средства коммунистического воспитания — пресса, литература, кино и т. д. — содействовали преодолению религии и пропаганде научного, атеистического мировоззрения. В 1925 г. возник Союз безбожников, массовая добровольная организация по борьбе против религии. В результате на основе уничтожения капиталистических отношений, на основе победы социалистической системы хозяйства в СССР и огромной политико-воспитательной работы миллионы трудящихся порвали свои связи с религией и церковью.

Завоеванная в Октябре свобода совести запечатлена в Великой Сталинской Конституции — этом итоговом документе всемирно-исторических завоеваний социализма в СССР.

«В целях обеспечения за гражданами свободы совести, — сказано в 124-й статье нашей Конституции, — церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами»¹.

Эта замечательная статья Конституции нашей великой страны закрепляет и развивает в кратких, лаконических выражениях основной смысл и содержание ленинского декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви, она фиксирует последовательную свободу совести, которая существует в нашей стране с победой Великой Октябрьской социалистической революции.

Наша Конституция предоставляет каждому верующему свободу отправления религиозного культа. В Уголовном кодексе РСФСР имеется специальная статья (125), в которой сказано: «воспрепятствование исполнению религиозных обрядов поскольку они не нарушают общественного порядка и не сопровождаются посягательствами на права граждан, карается принудительными работами на срок до шести месяцев». Подобные статьи имеются и в

¹ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. Партиздат ЦК ВКП(б), 1936 г., стр. 26.

уголовных кодексах всех других союзных республик. Но это не означает, что партии и советскому государству безразлично, являются ли трудящиеся верующими или атеистами. И партия и государство, категорически отвергая всякое администрирование, всякое принуждение в вопросах веры, стремятся и впредь использовать все идеологические средства для освобождения всех трудящихся от пут религии.

«Мы,—говорил товарищ Сталин,—ведем пропаганду и будем вести пропаганду против религиозных предрассудков. Законодательство страны таково, что каждый гражданин имеет право исповедывать любую религию. Это дело совести каждого. Именно поэтому и провели мы отделение церкви от государства. Но, проведя отделение церкви от государства и провозгласив свободу вероисповедания, мы вместе с тем сохранили за каждым гражданином право бороться путем убеждения, путем пропаганды и агитации против той или иной религии, против всякой религии. Партия не может быть нейтральна в отношении религии, и она ведет антирелигиозную пропаганду против всех и всяких религиозных предрассудков, потому что она стоит за науку, а религиозные предрассудки идут против науки, ибо всякая религия есть нечто противоположное науке»¹.

Значительные достижения на фронте борьбы против религии не дают никакого основания говорить о том, будто бы с религией уже покончено. Эта гнилая теория играет на-руку классовому врагу, она стремится сорвать дело дальнейшего освобождения масс от одного из самых гнуснейших идеологических пережитков капитализма — религии.

Остатки разбитых эксплуататорских классов, прибегающие к самым крайним и омерзительным средствам борьбы против социалистического строительства — к террору, диверсиям, вредительству и шпионажу, — продолжают использовать религию в своих контрреволюционных, враждебных народу целях. Не случайно единение целого ряда «смиранных отцов» церкви и сектантских верховодов со злейшими врагами народа — с троцкистско-бухаринскими бандитами и буржуазными националистами. Нужны величайшая революционная бдительность и осторожность, чтобы своевременно срывать маски с мракобесов, использовать каждого сознательного гражданина нашей родины использовать данное ему Конституцией право на антирелигиозную пропаганду для терпеливого разъяснения верующим вреда религиозных предрассудков, для пропаганды научного мировоззрения.

(Журн. «Антирелигиозник» № 1 за 1938 г.)

ПОДАВЛЕНИЕ СВОБОДЫ СОВЕСТИ ПРИ ЦАРИЗМЕ

«Милостью божией сосланы в Сибирь»

На паспорте и других официальных документах времен царизма обязательно стоял докучливый вопрос: какого вероисповедания? Неспроста в царской России власти интересовались, какому богу поклоняется тот или иной «подданный».

В царской России существовало много религий, много вероисповеданий, были христиане, магометане, иудеи, буддисты и другие. В свою очередь каждая из этих религий распадалась на множество разных течений, толков. Так, например, были христиане православные, католики, христиане-лютеране, армяно-грегориане, старообрядцы, баптисты, евангелисты, адвентисты, духоборы, хлысты, прыгуны, молокане и масса еще других. Государству далеко не все равно было, к какой вере принадлежит тот или иной человек, ибо оно не ко всем религиям относилось одинаково. Была религия привилегированная, которую царизм рассматривал как государственную, казенную. Были религии «терпимые», «едва терпимые» и просто «нетерпимые» со стороны государства.

В царской России православная церковь была объявлена государственной и пользовалась огромными привилегиями, располагала несметными богатствами. Церковь получала субсидии от государства, попам выплачивалось жалованье из государственных средств. Таким образом, церковь была верной служанкой самодержавия, частью государственного аппарата. При помощи церкви царизм душил свободную мысль, затемнял классовое сознание трудящихся, разжигал национальную рознь, проводил руссификаторскую политику.

Любая религия оказывала помощь царизму в подавлении революционного движения, в разжигании национальной розни, но для самодержавия выгоднее было иметь дело с единой государственной церковью, всецело ему подчиненной. Поэтому огромная деятельность церкви, травля сектантов и всех «инаков-верующих» вполне соответствовала интересам царизма, вдохновлялась им и всецело поддерживалась. В свою очередь руссификаторская политика царизма была чрезвычайно выгодна для православной господствующей церкви, она давала ей на откуп новые области, поэтому церковь и в этой политике была верной опорой самодержавия.

¹ Сталин — Вопросы ленинизма. Партиздат. 1935. Стр. 192.

В царской России размеры бесправия трудящихся определялись не только их социальным и имущественным положением, национальной принадлежностью и полом, но также и сортом религии, которой они себе обманывали.

«Истинная религия всегда есть та, — гласит французская поговорка, — которая имеет на своей стороне короля и палача». Истинной религией в царской России было строго-на-строго наказано считать веру православную.

«Первенствующая и господствующая в Российской империи вера, — писалось в «Своде законов», — есть христианская православная кафолического восточного исповедания»¹.

Православная церковь была наделена огромными богатствами. В то время, как миллионные массы трудового крестьянства жестоко страдали от малоземелья и безземелья, казенная церковь держала в своих руках миллионы десятин отборной земли. На этих земельных угодьях поповщина, не милосерднее светских помещиков, сдираала семь шкур с крестьянской бедноты. В руках церкви находились торговые и промышленные предприятия: мельницы, гостиницы, жилые дома и другие источники дохода. Миллионы рублей золотом хранила церковь в банках. Государство в городах и селах содействовало постройке огромного количества соборов, храмов, церквей и часовен. Так, например, в 1914 г. было 73 367 церквей (не считая военных). Государство по бюджету тратило десятки миллионов рублей в год на церковь. В 1912 г. 43 миллиона рублей по государственному бюджету было отпущено на церковь. «Отцы церкви» получали огромные доходы. Годовой доход, например, московского митрополита составлял свыше 80 000 рублей. А митрополит киевский за «труды» свои получал более 259 000 рублей.

Почему царское правительство не скупилось тратить столько средств на церковь?

Ведь известно, что на науку оно отпускало гроши. Разве можно без возмущения вспоминать такой, например, факт: когда великий русский ученый Попов, первый изобретатель радио, обратился к правительству с просьбой отпустить ему средства на научные опыты, ему дали всего 50 рублей. Так же поступали царские чиновники и с Мичуриным. С какими муками Мичурину удалось раздобыть кусочек земли для осуществления своих изумительных опытов. Сколько талантливых представителей великого русского народа — ученые, писатели, композиторы — подвергались гонениям, страдали в страшной нужде и одиночестве, в то время как поповские ручищи загребали миллионы рублей. Многотысячная армия духовенства одурманивала народ религиозной сивухой. Поповщина выдавала власть эксплуататоров, власть царя-тирана за «богом установленную» власть. Устрашая адскими муками, обещая загробные радости, попы приучали людей безропотно гнуть свою спину перед эксплуататорами и не думать о лучшей жизни на земле.

¹ «Свод законов», т. I, ч. I, разд. I, гл. 8, § 40.

А на науку и подлинное просвещение царизм жалел денег, ибо был вполне согласен с английским пэром, который однажды заявил в палате: «Учить народ? Но не забывайте, знание — сила, и если бы моя лошадь знала столько же, сколько я, она бы никогда не допустила, чтобы я сядил на нее верхом и ездил».

Казенная церковь была тесно связана с государством, более того, она была частью государственного аппарата. Царь был одновременно главой и государства и церкви. Так и было записано в царских законах, что «император, христианский государь, есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры и блюститель православия и всякого к церкви святой благочиния»¹.

Фактически управлял православной церковью назначенный государством чиновник, который считался «оком государевым» в делах веры.

Казенные попы совместно с полицией зорко следили за тем, чтобы один православный не «соблазнился» бы другой верой и не вздумал покинуть ряды «истинной» церкви. В число обязанностей станового входило не только искоренение дуэлей, неправильной охоты, наблюдение за нравственностью, но также пресечение споров против казенной церкви и предотвращение перехода православных в другую веру. Ссылкой, каторгой, побоями царское правительство охраняло «единство» и цельность рядов православной церкви. Человек, уличенный в агитации за переход из христианской веры в веру нехристианскую, ссылался на каторгу сроком от 6 до 8 лет. А за «отвлечение» от православия в какую-нибудь другую христианскую веру виновный лишался всех прав состояния и ссылался в отдаленные края империи.

«Виновные, — писалось в 196 статье «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных», — как в распространении существующих уже между отпадшими от православной церкви ересей и расколов, так и в заведении каких-либо новых, повреждающих веру, сект подвергаются за сии преступления лишению всех прав состояния и ссылке на поселение: из Европейской России в Закавказье, из Ставропольской губернии и Закавказья в Сибирь, а из Сибири в отдаленнейшие оной места».

Не лучше власти обходились и с теми, которые уходили от православия в какую-нибудь иную веру. Таких людей царское правительство и казенная церковь преследовали со свирепой жестокостью. Вот, например, как в Трубчевском уезде попы и полиция возвращали «заблудших» на путь истины: «С согласия и ведома и священника и начальства заперли заподозренных штундистов в церкви, принесли стол, накрыли чистою скатертью, поставили икону и стали выводить по одному. — Приложись! Не хочу прикладываться к идолам... — А? пороть тут же. Послабже которые, после первого же раза, возвращались в православие. Ну а которые до 4 раз выдерживали». Упорствовавших це-

¹ «Свод законов», т. I, ч. I, раздел I, гл. 8, § 42.

лыми партиями ссылали в Сибирь и Закавказье. В этой возмутительной и гнусной травле и преследовании людей за их религиозные убеждения казенные попы принимали самое активное участие. Они не только выдавали полиции и участвовали в побоях людей, отпавших от православия, но и стремились эти преследования выдать за «божественное» наказание. Однажды поп на вопрос, куда девались из села 36 семейств «отпавших», кратко и внятно ответил: «Милостью божьей сосланы в Закавказье и Сибирь».

Эти факты приводятся Лениным в статье «Внутреннее обозрение» 1901 г.¹

Царское правительство требовало, чтобы каждый человек исповедывал какую-нибудь религию. Оно принуждало посещать церковь, выполнять религиозные обряды, приобретать религиозную литературу и даже строить церкви.

Приведем для примера постройку церкви при Путиловском заводе. Эта заводская церковь, как и ряд других, была построена на средства, принудительным образом собранные у рабочих. В царской России заводчик и фабрикант имели право заставлять своих рабочих посещать церковь и выслушивать «душеспасительные» беседы батюшки. Так, например, в Павловом Посаде, на фабрике Василия Грязнова (после смерти объявленного «святым»), рабочие, не посещавшие церковь, подвергались денежному штрафу. Совместно с полицией попы неуспешно следили за тем, посещает ли церковь Иванов, приходил ли на исповедь Сидоров, не ослабела ли вера у Петрова, не скупится ли на церковь Федоров, не яхшается ли с «отпавшими» Кузнецов. Одно уже непосещение церкви и неисполнение обрядов делало человека в глазах властей «подозрительным», неблагонадежным. Исполнение обрядов было обязательным. Так, например, государственный закон гласил, что «всякий православный христианин должен, хотя однажды в год, исповедываться и причащаться св. тайн по обряду православному»². Тяжелым бременем ложились расходы по оплате «духовных треб» и обрядов на полуголодные, нищенствующие массы рабочих и крестьян. При царизме записи актов рождения, бракосочетания, смерти находились в руках попов. Отсутствие сколь-либо твердой таксы за исполнение церковных обрядов крещения, бракосочетания, похорон давало возможность многотысячной армии алчной и жадной до денег поповщины учинять форменный грабёж населения. Так, например, за совершение обряда венчания поп получал 15—20 рублей — сумму, которая зачастую была равна месячному заработку трудящегося. Недаром народные поговорки говорили: «Постись, крестись, женись, умирай — за все попу деньги давай». Царские законы не считались с тем, верует ли человек в бога, желает ли он со-

вершать религиозные обряды или нет. С этим государство не считалось. Оно принуждало исполнять религиозные обряды. Законным, например, признавался лишь брак, освященный церковью. «Законный брак, — говорилось в «Своде законов», — между частными лицами совершается в церкви... во всем соответственно правилам и обрядам православной церкви»¹.

Всем решительно гражданам, совершенно независимо от того, верующие они или неверующие, предписывалось законом вступать между собою в браки «по правилам и обрядам их церквей». Не всякий брак разрешался государством. Так например, человека, принадлежавшего к христианской вере и решившего жениться на еврейке или татарке, ожидали преследования, травля и лишение определенных гражданских прав. Государственный закон оставлял на рассмотрение церкви вопрос о разрешении бракосочетания между православными и последователями других христианских учений. В «Своде законов» говорилось о том, что вступившие в незаконный брак подвергаются церковному покаянию. Целые полчища «духовных отцов» следили вместе с полицией за точным соблюдением этих гнусных законов о браке. Попы различных религий разжигали взаимное недоверие между людьми различных вероисповеданий. Облеченное административными правами духовенство воздвигало непроходимые препятствия между людьми различного вероисповедания, подымало на ноги «общественное мнение» против брака христиан с нехристианами, православных с раскольниками, сектантами и т. д. В духе этих диких средневековых нравов, закрепленных государственными «указами» и «положениями», освященных церковью, в течение веков приучали людей с отвращением и враждой смотреть на «иноверцев».

Самодержавие со всей беспощадностью обрушивалось не только на состоящих в незаконном браке. Особенно жестоко и неумолимо преследовались «незаконнорожденные», которые до могилы несли на себе клеймо «позора» и претерпевали связанные с этим всевозможные лишения. Это заставляло людей передовых, свободных от религиозных предрассудков, насиловать свою совесть и исполнять глупую и гнусную для них процедуру церковного брака. Родители, если они хотели, чтоб дети не были лишены гражданских прав и доступа в школу, были обязаны совершить законом установленные религиозные обряды, так, например, крещение, конфирмация и т. д.

Вмешательство государства в дела веры доходило до того, что «Устав о предупреждении и пресечении преступлений» указывал, как верующему вести себя в церкви. Согласно этому «уставу» граждане должны были входить в храм божий с «благоволением и без усилия». Они должны были стоять перед иконами так, «как благопристойность и святость места требует» (§ 6). Им запрещалось во время богослужения переходить с места на место и разговаривать. Параграф 7 этого устава

¹ Ленин — Внутреннее обозрение. «Две предводительские речи» Соч., т. IV, стр. 323—324.

² «Устав о предупреждении и пресечении преступлений», ст. 20.

¹ «Свод законов», т. X, стр. 30.

требовал, чтобы верующие в церкви «пребывали со страхом и молчанием». К иконам и чудотворным мощам закон разрешал прикладываться перед началом или по окончании службы, а не во время последней (§ 8). Итак, все было предусмотрено государством: как входить в церковь, как там стоять, когда прикладываться к иконам. В этом бесподобном уставе специально не оговорено запрещение почесываться в церкви, переминаться с ноги на ногу, кашлять, сморкаться, чихать и т. д. Очевидно, государство считало возможным хотя бы уже в этом полагаться на внутреннее убеждение верующих.

«Инаковерующие»

Невыносимо тяжела была жизнь всех трудящихся при самодержавии. Но в особо ужасных условиях находились трудящиеся массы национальных меньшинств. Слова Ленина — «царская Россия — тюрьма народов» — вскрывают страшную правду о жизни этих масс, о беспредельной, варварской эксплуатации, о бесправии «инородцев», как издевательски обзывали русские эксплуататорские классы представителей национальных меньшинств.

Царское правительство в Средней Азии, Закавказье, во всех остальных национальных районах старалось насильственно русифицировать местные национальности. С этой целью царизм пытался уничтожить национальную культуру колониальных народов, лишить их родного языка, национальной школы, всячески препятствовать развитию национального искусства, литературы и театра. В царской России национальный гнет тесно переплетался с гонениями на религиозные верования колониальных народов. В целях русификации «окраин», в целях укрепления государственной религии царское правительство прямо и косвенно, насильственно и «уговором» вовлекало магометан, буддистов и других «иноверцев» в лоно православия. В царской России трудящиеся, которые не принадлежали к господствующей православной вере, подвергались целому ряду лишений. Известно, какую нищенскую плату получали русские рабочие при царизме, однако, на многих заводах и фабриках неправославные рабочие получали еще меньше. Таким путем эксплуататоры не только прикарманивали большие суммы, но стремились восстановить одну часть рабочих против другой, разрушить единство рядов рабочих, ослабить их борьбу против эксплуататоров. «Иноверцев» или совсем не допускали на государственную службу или же допускали в очень ограниченных размерах. Так же обстояло дело при поступлении неправославных в учебные заведения. Многие из «иноверцев» были лишены права свободно выбирать для себя место жительства. Нужно ли говорить, что эти лишения обрушивались только на голову трудящихся неправославной веры. Так, например, если еврей-бедняк не имел права оставлять свое местечко, то еврейские купцы и фабриканты свободно разъезжали по всей стране и совместно

с русскими фабрикантами и торговцами обделывали свои дела в акционерных обществах и торговых фирмах.

Попы совместно с полицией совершали гнуснейшие насилия над совестью «иноверцев». В 1893 г. буряты обратились к царскому наследнику Николаю Романову с просьбой оградить их от насилий миссионеров-попов и полицейских, которые принуждали их принять православие. Вот несколько выдержек из одного письма: «Полицейские нападали на жилища некрещенных инородцев днем и ночью; случалось, что они вместе с миссионерами-священниками, кого заставляли в доме, тех запросто или крестили насильно тут же или тащили в миссионерский стан. Если встречалось сопротивление, то таких били, истязали, связывали веревками, сажали в инородческие тюрьмы, подвергали холоду и голоду, взыскивали денежные штрафы и приводили к православию». Далее в письме говорится, что не легче было и тем, «которые скрывались от насилий: повсюду были рассылаемы гонцы, брали таковых всюду: на полях, в тайге и, предвзвешенно подвергнув жестокому побоям и другим насилиям, затем против желания крестили.

Побои и истязания совершались не только в поле, но даже в самом храме, где были слышны крики, вопли женщин, девиц, детей; были преждевременные роды, самые храмы были осквернены кровью от наносимых побоев инородцам»¹.

Это потрясающее письмо интересно не только как документ о жестоком подавлении свободы совести людей при царизме. Оно свидетельствует также о наивной вере жалобщиков в «справедливость» верховной власти. Факты, которые сообщают в своем письме буряты, не были единичными случаями произвола местных властей и местной поповщины.

Они носили всеобщий характер, вытекали из интересов эксплуататорских классов и осуществлялись по заданиям, с ведома и согласия царской власти.

Желая «оправдать» свои гнусные, издевательские грабежи, побои и погромы национальных меньшинств и вовлечь иноверцев в лоно православия, царское правительство часто прибегало к провокационным средствам. Так, например, в 1892 г. царизм затеял позорное дело против удмуртов (вотяков)... Целый народ лживо обвинялся в том, что он, якобы, приносит человеческие жертвоприношения «языческим» богам. 4 года длилось это возмутительное дело. 2 раза царский суд выносил обвинительный приговор, но в конце концов под давлением передового общественного мнения суд был вынужден прекратить провокацию и оправдать удмуртов.

А разве не такого же характера была гнусная клевета на евреев, обвинение их в том, что они якобы убивают христианских детей для использования их крови в ритуальных целях?

Мы видим, что не было предела тем жестоким и омерзительным приемам, которые не использовались бы царизмом для

¹ ЛОЦИА, фонд № 144, отд. секр. д. № 9, № 41—42.

насилования свободы вероисповедания национальных меньшинств.

Царское правительство всячески стремилось натравить русских трудящихся на нерусских. Провокационными баснями о «кознях инородцев» царизм пытался отвлечь русских рабочих и крестьян от борьбы против своих лютых врагов и поработителей, против русских фабрикантов и помещиков, против самодержавия. В этой контрреволюционной работе по натравливанию русских на «инородцев», православных против «иноверцев» принимала деятельное участие казенная церковь. Какие только омерзительные брошюры и листовки ни выпускала казенная церковь против иноверцев! Какие черносотенные и погромные речи ни произносили ее представители с амвонов! Всячески пороча людей неправославной веры, казенная церковь требовала еще большего преследования и угнетения «иноверцев».

«Одного поля ягоды»

Царское правительство вело двойственную политику. С одной стороны, оно угнетало свободу совести неправославных и, с другой стороны, всячески поддерживало национальное духовенство: мулл, раввинов, ксендзов и т. д. Расчет у царя и его приспешников был несложный. Всякий человек обязан иметь какую-нибудь религию, — рассуждали эксплуататоры. Человека без религии терпеть нельзя. Желательно, чтобы все «подданные» империи принадлежали к православию. К этому нужно стремиться всячески. Но пока не удалось всех «иноверцев» побоями и «уговором» вовлечь в лоно православной церкви, нужно, чтоб они одурманивали себя религиями «второго и третьего сорта». Поэтому нужно подкармливать всех этих мулл, раввинов, тертеров (армянских попов) и прочих мракобесов, которые, кстати, умеют так усердно действовать в интересах царской власти. И действительно, царизм подкармливал национальное духовенство. Эти «божьи люди» пользовались почетом и привилегиями со стороны власти. Так, например, еврейский раввин был по своим правам приравнен к купцу I гильдии, многие из мулл, раввинов, лам, тертеров (армянских попов) были награждены царскими орденами «за верную службу», наделены землей и деньгами. Так, например, царское правительство закрепило за армяно-грегорианской церковью около десяти деревень, где попы были полными хозяевами своих крепостных. Эта же церковь получала значительную сумму от царского правительства.

В свою очередь неправославное духовенство не оставалось в долгу у царского правительства. Попы неправославных религий, как и православное духовенство, пытались отравить сознание трудящихся религиозным ядом. В мечетях, в синагогах и других очагах религиозного дурмана духовенство на различных языках восхваляло и обоготворяло русского самодержца, призывало угнетенные народы безропотно и терпеливо прозя-

бать на своих нарах в мрачной тюрьме народов, каковой была царская Россия. Цинично и мерзко духовенство предавало интересы своего народа. Национально-революционное движение против эксплуататоров, против царизма всегда встречало в лице мулл, раввинов, ксендзов, лам своих непримиримых врагов. Сколько из них состояли на службе царской охраны, сколько из них были глазами и ушами местных губернаторов!

Так же, как и православные попы, неправославное духовенство пыталось воспитать свою паству в духе непримиримой вражды и ненависти по отношению к трудящимся иной веры.

«Мусульманин мусульманину брат, — учили муллы, — враг это тот, кто не исповедует религии Магомета». Эта насквозь лживая и контрреволюционная проповедь была рассчитана на то, чтобы заглушить борьбу мусульманских трудящихся против своих баев, купцов и кулаков. В этом же духе действовали раввины, ламы, тертеры и прочие мракобесы.

Совместно с полицией душила свободу совести не только казенная, но и всякая другая церковь в царской России. Муллы, раввины, ксендзы и прочие представители духовенства зорко следили за тем, чтобы «паства» аккуратно исполняла религиозные обряды, не предавалась бы «вольномудству» и безбожии. «Непокорных», т. е. тех, которые не хотели повиноваться религиозным догмам и обрядам религии Моисея, Магомета и прочих «пророков», проклинали, отлучали, травили, избивали и в случае, если все это не помогало, обращались к держимордам царской полиции.

Искоренение «богоотступников»

С особым остервенением царское правительство совместно со всей поповщиной преследовало людей, которые не признавали никакой религии. Еще до середины XVIII столетия неверующих подвергали самым мучительным пыткам и казнили публично. В дальнейшем смертная казнь для неверующих была заменена каторжными работами. В глазах светских и духовных сатрапов самодержавия безбожник был опаснейшим врагом, ибо человек, переставший трепетать перед божеством и небесными карами, легко уяснял истинный смысл земных порядков и переставал гнуть спину перед «помазанником Божиим». Всякое выступление против религии и церкви царизм рассматривал как тяжчайшее государственное преступление.

176 статья «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» гласила: «Кто дерзает публично в церкви с умыслом возложить хулу на славимого в Единосущной Троице Бога, или на Пречистую Владычицу нашу Богородицу и присно Деву Марию, или на честный крест господя Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, или на бесплотные Силы Небесные, или на Святых Угодников Божиих и их изображения, тот подвергается лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу на время от двенадцати до пятнадцати лет».

Попы, ксендзы, муллы, раввины, вся многоликая поповщина неустанно и неусыпно, не за страх, а за совесть выслеживала «богохульников» и «богоотступников», и «вольнодумцев» и передавала их в руки полиции. Немало передовых людей страны по доносам попов были за неверие брошены в темницы и погублены царизмом на каторжных работах. Царское правительство, не довольствуясь жестоким преследованием безбожников, устами попов и других своих прислужников пыталось всячески очернить этих людей. Говорили про неверующего человека, что он якобы самое злое и испорченное существо, что он не признает никакой нравственности, никаких идеалов, никакой добродетели. Эта омерзительная клевета против неверующих нужна была эксплуататорским классам для того, чтобы удерживать массы в религиозной кабале, а с другой стороны, «оправдать» бесчеловечные жестокости и травлю безбожников.

Понятно, что при царизме неверующий человек был лишен всякого права защищать свои убеждения. По 318 статье «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» антирелигиозные организации были приравнены к «противозаконным сообществам». За принадлежность к антирелигиозной организации виновный подвергался ссылке в Сибирь или заключению в исправительных арестантских отделениях.

Полицейско-поповская цензура свято «берегла устои и догматы истинной веры» от всяких поползновений атеизма. Ни одна книга при царизме не могла появиться на свет, если в ней содержалось что-либо, противоречащее религии и церкви.

«Произведения словесности, науки и искусства, — говорилось в «Уставе о цензуре и печати», — подвергаются запрещению... когда в оных содержится что-либо, клонящееся к поколебанию учения православной церкви, ее преданий и обрядов, или вообще истин и догматов христианской веры».

Полицейская расправа с безбожием в царской России доходила до такой степени, что даже верующему человеку было запрещено задавать какие-либо «замысловатые» вопросы, касающиеся веры.

Тов. П. Я. Янчук — слесарь завода синтетического каучука (Москва) — в своих воспоминаниях пишет:

«За всякое выступление против религии и церкви царские власти по доносу попов сурово наказывали. Со мной лично имел место следующий факт. В 1908 г. в г. Варшаве я отбывал действительную военную службу. Был в чине рядового. Однажды во время занятия по закону божьему я задал полковому попу Щеглову следующий вопрос:

— Как мог произойти род человеческий, если у Адама и Евы были сыновья, а дочерей не было?

— Так было богу угодно. Бог все может, — сердито ответил поп и тут же предложил мне самолично о «происшедшем» доложить начальнику команды. Когда я доложил начальнику о моем вопросе попу, то он (начальник), недолго задумываясь, дал мне за «проступок» простоять под ружьем с полной вы-

кладкой 10 часов. При этом он «отечески» посоветовал больше вопросов, касающихся веры, не задавать.

— За эти штуки другой раз, — сказал он, — получишь 10 лет ссылки».

Царские чиновники из цензуры запрещали полностью или же вычеркивали самые яркие антиклерикальные и антирелигиозные места в произведениях Пушкина, Лермонтова, Толстого, Чехова, Горького и других передовых писателей страны. Царизм всячески старался держать в секрете от масс величайшие достижения науки, ибо они подрывали авторитет нелепых, диких и реакционных сказок религии.

Известно, как яростно боролась поповщина против учения Дарвина, которое воочию доказало, что человек, животные и растения возникли и развились без всякого вмешательства несуществующего бога.

С особой яростью и остервенением поповско-политическая цензура боролась против великих произведений Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Это и понятно, ибо труды классиков марксизма-ленинизма, разоблачая гнусные эксплуататорские порядки и поднимая массы на борьбу, наносили одновременно сокрушительный удар по религии и поповщине.

Школа и церковь

Школа в царской России была вотчиной попов. Целая армия невежественных попов была призвана царизмом воспитывать подрастающее поколение. Вся система церковно-приходских школ преследовала одну задачу — отравить сознание ребенка религиозным дурманом. Вместо того чтобы обучать детей наукам, полезным и нужным для жизни, попы заставляли своих воспитанников учить наизусть длиннейшие молитвы и всякие лживые и сумасбродные рассказы о «житии святых». Для того чтобы не быть голословными, приведем для примера расписание уроков для 2-х групп Ризположенской церковно-приходской школы на 1899—1900 гг. Из расписания видно, что из 60 учебных часов в неделю 29 часов уходило на зубрежку поповских «наук» (закон божий, церковное пение и церковно-славянский язык). Лишь 12 часов предоставлялось преподаванию арифметики, 14 часов — на русский язык и 5 часов — на чистописание. Для того чтобы картина реакционной, мракобеснической обработки детей стала яснее, нужно учесть, что не только преподавание русского языка, но даже чистописание было насквозь пронизано верноподданническим, религиозным материалом. Ребенка заставляли верить в нелепые религиозные сказки, наподобие того, что бог за 6 дней создал весь мир, что Христос пятью хлебами досыта накормил 5 тысяч человек и т. п. Сомневавшихся в этих «истинах» били, заставляли часами стоять на коленях. Поповские школы пытались убить в ребенке всякую любознательность, интерес к наукам, воспитать в нем чувство рабского повиновения царю и эксплуататорам.

Власть поповщины простиралась не только на низшую школу. Известно, какое важное место занимал поп в гимназиях. «Закон божий» был обязательным предметом. Если ученик получал по «закону божьему» ниже пятерки, то на него администрация гимназии смотрела весьма косо и чинила ему всякие неприятности.

Попы в школах были заняты не только преподаванием «закона божьего», но одновременно они неусыпно следили за тем, не протаскивает ли, например, преподаватель естествознания какие-нибудь «богопротивные мысли», не противоречит ли он догмам и канонам религии. Приведем один пример того, как попы содействовали изгнанию из школы передовых неверующих учителей. В секретном донесении на учителя И. Покровского поп сообщал: «...Хотя не обнаружено, чтобы он, Покровский, беседовал с учениками о чем-либо преступном, тем не менее, на Покровского падает подозрение в том, что он человек неверующий, и потому он едва ли может быть терпим на учительской должности»¹.

Это сообщение оказалось достаточным для министра просвещения, известного мракобеса графа Д. А. Толстого, чтобы, не задумываясь, уволить И. Покровского с работы. М. Банников, который 30 лет при царизме проработал в школе, следующим образом рисует подневольное положение народного учителя: «Все учебные книги были построены на духовном или «верноподданническом» материале. Отступали мы от него только с риском потерять работу: за «нравственной» стороной преподавания строго следили вездесущий поп, грозный инспектор народных училищ, училищный совет при Звенигородской уездной земской управе, где заседали князья, помещики и кулаки. Народный учитель вопреки своей воле вместе с полезными знаниями прививал детям рабские навыки; из «сеятеля разумного, доброго, вечного», каким он хотел быть, порою превращался в орудие буржуазии, готовя для нее, как говорил В. И. Ленин, пригодных слуг, которые были бы способны давать ей прибыль и вместе с тем не тревожили бы ее покоя и безделья»².

Черноярские следили за настроением молодежи, зорко приглядывались, не проникают ли в школу революционные идеи, не читает ли кто запрещенную литературу, не ведет ли кто «мятежные» разговоры. Если им удавалось обнаружить что-либо подобное, то они доносили об этом не только администрации школы, но и чинам полиции.

Конечно, и высшая школа — университеты и институты — не была свободна от поповско-полицейского надзора.

Поповщина требовала, чтобы все профессора и преподаватели обязательно были верны религии и церкви. Перед нами —

¹ Цитата по копии ЛОЦИА, хранящейся в Центральном антирелигиозном музее.

² «Рабочая Москва» от 31 октября 1937 г.

интересный документ. Это письмо Иринарха, архиепископа подольского, министру народного просвещения А. И. Головину. Что же пишет этот «божий» человек и о чем он печется? Он требует от ученых: «1. Признавать божественное происхождение святого писания или библии. 2. Верить в божество Христа и необходимость его религии для настоящей и будущей жизни. 3. Не позволять себе на лекциях говорить что-либо противное христианской религии и евангельской нравственности. 4. Напротив, при всяком благоприятном случае показывать великое уважение к религии христовой...» А что, если в каком-нибудь университете работает крупнейший ученый-врач, который, однако, не питает «великого уважения к религии»?

Гнать такого без оглядки, — советует архиепископ, — гнать, несмотря ни на какие заслуги перед наукой и человечеством. Ибо «...лучше иметь в учебных заведениях преподавателей с посредственными способностями и познаниями, но благочестивых, проникнутых духом христианским, нежели весьма ученых, но нечестивых, напитанных началами неверия и вольнодумства»¹.

Руководствуясь этими же соображениями, действовала царская власть, когда она изгоняла из университетов таких ученых, как К. Тимирязев. Вся воспитательная работа в царской России была глубоко пронизана религиозным дурманом.

Царское правительство рука об руку с поповщиной старалось всячески ограничить науку и широко насаждать религиозный дурман. Обер-прокурор «святейшего синода» Победоносцев — этот главный жандарм царского правительства в делах веры — в свое время нагло провозгласил, что «русскому народу образование не нужно, ибо оно научает логически мыслить». Именно для того, чтоб помешать эксплуатируемому народу видеть своих подлинных врагов, распознавать истинные причины своих невзгод и мучений, царизм так усиленно насаждал религию через школы.

Против союза нагайки и креста — за свободу совести!

Лучшие передовые люди, жившие в мрачные времена царизма, лелеяли прекрасную мечту о счастье народном. Они смело выступали против самодержавно-помещичьего строя, подымали свой гневный голос протеста против союза креста и дубинки, против вековой церковно-полицейской опеки над совестью граждан. Всей силой своего таланта они обрушивались против всех и всяких инквизиторов человеческой мысли. «Нам больнее всего видеть и чувствовать, — писал Ленин в 1914 г., — каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великоруссов, что эта среда выдвинула Радищева, декаб-

¹ Цит. по копии с документа ЛОЦИА, хранящейся в Центральном антирелигиозном музее.

ристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свертывать попу и помещика»¹.

Эти люди — Радищев, декабристы, разночинцы 70-х годов — занимают славное место в истории освободительного движения в России и их имена с гордостью и уважением вспоминают народы нашей великой социалистической родины.

Прежде всего следует назвать имя Александра Николаевича Радищева (1749—1802 гг.), пламенного борца против крепостничества, автора знаменитого «Путешествия из Петербурга в Москву» и не менее знаменитой оды «Вольность».

Религию Радищев уподоблял ужасному чудовищу, стоголовой гидре, называл ее «святым обманом», который обрели цари, чтобы «народ давить». Это чудовище:

Призраки, тьму повсюду сеет,
Обманывать и лстить умеет
И слепо верить всем велит.

Немало строк «Путешествия из Петербурга в Москву» также направлено против «полицейских в рясах». Особенно яркие места имеются в главах — «Медное» и «Торжок». Радищев со всей силой нападает здесь на «попов и чернецов», противников свободы совести. «Путешествие» впервые в русской литературе с потрясающей силой нарисовало картину всех ужасов самодержавно-крепостнической России. И царские сатрапы жестоко расправились с автором этой замечательной боевой книги. Петропавловская крепость, долгие годы ссылки и, наконец, самоубийство под влиянием прямых угроз — вот путь, на который был обречен писатель-революционер, поборник освобождения народа от оков царизма и церкви — Радищев.

Великий Пушкин не раз направлял разящие стрелы своих стихов против светских и духовных палачей, душителей свободы. Вспомним хотя бы знаменитую эпиграмму на одного из самых махровых реакционеров времени Александра I, мракобеса, архимандрита Фотия:

Полу-фанатик, полу-плут;
Ему орудием духовным
Проклятье, меч, и крест, и кнут.
Пошли нам, господи, греховным
Поменьше пастырей таких, —
Полу-благих, полу-святых.

Великий русский критик, демократ, предшественник Чернышевского и Добролюбова В. Г. Белинский (1811—1848 гг.) был неутомимым борцом против самодержавия. Это был замечательный гуманист, человек огромного таланта и страсти.

В своем знаменитом «Письме к Гоголю» Белинский выступил как непримиримый поборник дела освобождения народа. Бе-

линский требовал для народа прав, сообразных здравому смыслу и справедливости.

«Письмо к Гоголю» было, по словам Ленина, «одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати, сохранивших громадное, живое значение и по сию пору»¹. Письмо это было написано за несколько месяцев до смерти великого критика, и можно смело сказать, что только смерть спасла его от каторги.

«Россия видит свое спасение не в мистицизме, — писал Белинский, — не в аскетизме, не в пиетизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и соре, — права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью, и строгое по возможности их исполнение»².

Белинский дает убийственную характеристику господствующей церкви, называет ее «опорою кнута и угодницей деспотизма», «поборницей неравенства, льстецом власти, врагом и гонительницей братства между людьми».

Неутомимым поборником свободы совести был А. И. Герцен (1812—1870 гг.), революционер и знаменитый писатель, который «первый поднял великое знамя борьбы путем обращения к массам с вольным русским словом»³.

Попы и прочие реакционеры ненавидели Герцена за его страстные, бичующие статьи и памфлеты, направленные против официальной церкви, разоблачавшие ее гнусную роль в царской России. И все эти статьи, звеневшие набатом со страниц герценовского «Колокола», были проникнуты безраздельной любовью к народу, заботой о его нуждах, о его счастье, о его человеческом достоинстве, попираемом духовной и полицейской нагайкой.

В 1858 г. в деревне Порозово, Волковысского уезда, Гродненской губернии, произошла жестокая расправа с крестьянами, отошедшими от православной церкви. Вооруженные солдаты и полицейские во главе с адъютантом Поповым, по доносу попа, напали на деревню и перепороли всех поголовно, причем несколько человек погибли под ударами плетей. Герцен горячо откликнулся на это событие, явившее всему миру разительный пример насильственного подавления свободы совести. В заметке под ярким заголовком «Секущее православие», напечатанной в 27 листе «Колокола» (1 ноября 1858 г.), Герцен описал эту «страшную историю нового злодеяния русской администрации». «Если это выдуманно или увеличено, — писал Герцен, — пусть Назимов оправдывается, а до тех пор мы будем считать это со всей Европой за истину. Впрочем, тут невероятного ни-

¹ Ленин — Соч., т. XVII, стр. 341.

² Белинский — Литературно-критические статьи. Гослитиздат. 1936 г. Стр. 267.

³ Ленин — Соч., т. XV, стр. 469.

¹ Ленин — О национальной гордости великоруссов. Соч., т. XVIII, стр. 80—81.

чего нет, это все совершенно в нравах аракчеево-бибиковской школы. Давно ли Семашко свирепствовал тому же секущему православию? Разумеется, раскольники правы, презирая полицейскую церковь, благословляющую розгами и поддерживаемую разбойниками с аксельбантами и сыщиками в камилавках»¹.

В следующем номере «Колокола» Герцен дает еще некоторые подробности об избиении в деревне Порозово. «...эта ужасная история справедлива,—писал Герцен,— и гнусный Семашко высек себе новый памятник на спине беззащитных жертв. Со стороны гражданского начальства истязанием заведывал окружной Новицкий. Этот полицейский апостол сек людей до тех пор, пока мучимый соглашался принять причастие от православного попа. Один 14-летний мальчик после двухсот розог отказался от такого общения с Христом, его снова начали сечь, и тогда только, уступая страшной боли, он согласился. Православная церковь восторжествовала! «Все дело скрыто»,—прибавляет корреспондент. «Но все дело можно открыть»,—прибавляем мы». И тут же Герцен беспощадно обрушивается на рясоносных злодеев, организаторов этого дикого произвола. «А каков поп-разбойник, стоявший с потиром во время пытки! Семашко, во Христе православный, митрополит Иосиф, во Иуде предатель, палач, заслуживший европейскую известность, мастерски выбирает и хиротонисает по святой восточной церкви обряду своих заплочных иереев. Позор! Позор!»².

Герцен зло высмеивал поповский шантаж, в частности, полицейско-церковную фабрикацию мощей с целью поднятия в народе религиозных чувств, отвлечения масс от освободительной борьбы. Герцен возмущался тем, что, попирая свободу совести, попы и жандармы обманывали народ, принуждали верить в святость «нетленных» угодников.

В статье «Ископаемый епископ, допотопное правительство и обманутый народ» («Колокол», 105-й лист от 15 августа 1861 г.) Герцен по поводу комедии «открытия» мощей Тихона Задонского писал следующие полные сарказма строки:

«...ископаемый епископ, «во благоухании святыни почивший», пожалован государем во святые, а тело его, за примерное нетление, произведено в мощи, с присвоением всех прав состояния, то есть пользования серебряной ракой, лампадой, восковыми свечами и главное—кружкой для сбора, коею иноцы будут рукоудостоваться по особому внушению божью и по крайнему разумению человеческого»³.

И далее, с болью говоря о народной нищете и несправедливости, о том, что задавленный, обобранный, обворованный народ «сли-

шком несчастен, чтобы не быть суеверным», Герцен гневно обрушивается на духовных и светских палачей: «И вы, развратители, ограбивши несчастного до рубища, не стыдитесь употреблять эти средства?! Вы хотите сделать его духовным нищим, духовным слепцом, подталкивая его в тьму изуверства,—какие вы все злодеи народа»¹.

В этой же статье Герцен откликается на зверскую расправу царских жандармов с восставшими крестьянами с. Бездна, Казанской губернии, 12 апреля 1861 г. Обращаясь к народу, Герцен изобличает «духовных пастырей», призванных опекать совесть тружеников в угоду царю и его опричникам. «...О, если б слова мои могли дойти до тебя, труженик и страдалец земли русской!..—писал Герцен.—Если б до тебя дошел мой голос, как я научил бы тебя презирать твоих духовных пастырей, поставленных над тобой петербургским синодом и немецким царем. Ты их не знаешь, ты обманут их облачением, ты смущен их евангельским словом,—пора их вывести на свежую воду!

Ты ненавидишь помещика, ненавидишь подьячего, боишься их—и совершенно прав; но веришь еще в царя и в архиерея... Не верь им! Царь с ними, и они его»².

Необходимо далее назвать имя демократа-революционера Н. А. Добролюбова (1836—1861 гг.). «...Всей образованной и мыслящей России, дорог писатель, страстно ненавидевший произвол и страстно ждавший народного восстания...»,—писал о нем Ленин³.

В боевом политическом журнале «Современник» Добролюбов критиковал религию, обличал церковь, ее нетерпимость, драконовские порядки, подавлявшие свободу совести, душившие всякую свежую свободную мысль.

Один из наиболее ярких предшественников русской социал-демократии, Н. Г. Чернышевский, в своей «могучей проповеди» (выражение Ленина) выступал и против церкви, и против подавления свободы совести. В своем революционном романе «Что делать» Чернышевский говорит о счастливой жизни освобожденного человечества, о будущем, которое светло и прекрасно. Он говорит о времени, когда навсегда исчезнут путы, сковывавшие творческие силы миллионов людей, их человеческое достоинство.

Чернышевский очень ярко характеризовал ненавистные ему порядки, при которых царизм и церковь, выступая рука об руку, насиловали совесть граждан.

«Ясно,—писал Чернышевский,—что оно (влияние религии.—*Авт. р.*) соответствовало их (господствующим классам.—*Авт. р.*) интересам... Таким образом, общий исторический факт состоит в том, что духовное сословие, как духовное сословие, проповедывало и действовало, сознательно или бессознательно,

¹ Герцен — Избранные сочинения. М. 1937 г. Стр. 291. (Назимов — генерал-губернатор в западных губерниях, Иосиф Семашко — митрополит того же края).

² Там же, стр. 293.

³ Там же, стр. 302.

¹ Герцен — Избранные сочинения. М. 1937 г. Стр. 303.

² Там же, стр. 304.

³ Ленин — Соч., т. IV, стр. 346.

в интересах действительной власти, а власть — светская власть — покровительствовала такому учению и сословию пастырей... Духовное сословие... всегда было по духу своих религиозных наставлений народу слугой существующего порядка, предержащих властей». (Из примечаний к неоконченному переводу «Введения в историю XIX в.» Гервинуса.)

Еще задолго до Октябрьской революции партия большевиков боролась против религиозных гонений, против преследований атеистов, против ущемления свободы совести людей. Программа Российской социал-демократической рабочей партии, принятая II съездом в 1903 г., требовала отделения церкви от государства и школы от церкви, неограниченной свободы совести, полной равноправности «всех граждан, независимо от пола, религии, расы и национальности».

В 1903 г. в статье «К деревенской бедноте» В. И. Ленин, разъясняя крестьянам смысл программы партии, писал: «Социал-демократы требуют далее, чтобы каждый имел полное право исповедывать какую угодно веру совершенно свободно. Только в России да в Турции из европейских государств остались еще позорные законы против людей иной, не православной веры, против раскольников, сектантов, евреев. Эти законы либо прямо запрещают известную веру, либо запрещают распространять ее, либо лишают людей известной веры некоторых прав. Все эти законы — самые несправедливые, самые насильственные, самые позорные»¹. В своей знаменитой статье «Социализм и религия» Ленин дал исчерпывающее разрешение вопроса о свободе совести. Каждый, — указывал Ленин, — должен быть совершенно свободен исповедывать какую угодно религию или не признавать никакой религии. Государство не должно вмешиваться в дело веры или неверия граждан. Это — личное дело каждого гражданина. Государство не должно признавать никакой официальной религии и не должно оказывать материальную помощь никакой религии. Недопустимо, — писал Ленин, — чтобы кто-либо претерпевал лишения за свои религиозные убеждения. Государство, согласно Ленину, не должно даже спрашивать у своих граждан, к какой вере они принадлежат. «Всякие даже упоминания о том или ином вероисповедании граждан в официальных документах, — писал Ленин, — должны быть безусловно уничтожены»². Ленин едко осмеивал тех, которые обманывали себя и других надеждой получить свободу совести из царских рук. Пока существует царское самодержавие, — учил Ленин, — нелепо ожидать осуществления свободы совести. Царское правительство подавляет не только свободу совести, но и всякие свободы. Только с уничтожением царизма, после предоставления народу свободы слова, печати, собраний и др. люди получают также свободу исповедывать по своему выбору ту или иную религию или же не исповедывать никакой религии.

¹ Ленин — Соч., т. V, стр. 295—296.

² Ленин — Соч., т. VIII, стр. 420.

Только революционный пролетариат, — указывал В. И. Ленин, — который является вождем всех трудящихся и эксплуатируемых в борьбе против самодержавия и капиталистической кабалы, последовательно и до конца отделит церковь от государства и осуществит свободу совести.

Партия большевиков вела непримиримую борьбу против гонений людей за их религиозные убеждения. Известно, как Ленин возмущался и публично протестовал против травли и гонений сектантов со стороны царизма. Означает ли это, что Ленин, жестоко обрушиваясь на царских сатрапов и казенную церковь и разоблачая их позорные «деяния» по отношению к людям иной веры, брал под защиту какую-нибудь религию? Конечно, нет. Ленин был самым решительным противником всякой религии. Ленин учил, что партия не может считать религию частным делом для себя. Партия должна бороться за освобождение масс от влияния религии, ибо всякая религия есть не что иное, как дурман народа. «Религия — род духовной сивухи, — писал Ленин, — в которой рабы капитала топят свой человеческий образ, свои требования на сколько-нибудь достойную человека жизнь»¹.

Ленин учил, что всякая религия, и православная, и католическая, и мусульманская, и иудейская, и учения сектантов засоряют головы трудящихся антинаучными, дикарскими представлениями, мешают им распознавать своих классовых врагов и бороться против них.

«Того, кто всю жизнь работает и нуждается, — писал Ленин, — религия учит смирению и терпению в земной жизни, утешая надеждой на небесную награду»².

Эти слова Ленина характеризуют не только господствующую, но и всякую другую религию. Так, например, те же самые сектанты, которых царизм преследовал жестоким образом во время революции 1905 г., не только не выступили против царизма, но всячески заверяли царя, что они остаются верными престолу.

Все сектантские вожаки призывали своих единоверцев к поддержке царизма и поучали, что «подлинное» освобождение и счастье добываются не борьбой, а терпением и покорностью, отказом от всего «мирского». Сектантские главари напоминали своим последователям, что освобождение людей от земных невзгод и мучений осуществится только... в загробной жизни. Ленин учил, что нужно бороться против всякой религии, и казенной, и неказенной, но бороться не мерами насилия, а словом, печатью, пропагандой.

Эксплуатация человека человеком, безработица, голод, неуверенность в завтрашнем дне, кажущаяся беспомощность перед эксплуататорскими классами — вот что, — согласно Ленину, — в первую очередь толкает разуверившихся в своих силах людей

¹ Ленин — Социализм и религия. Соч., т. VIII, стр. 419.

² Там же.

искать «небесных спасителей», обманывать себя мыслями о загробной райской жизни.

Не преследовать нужно людей за их религиозность, — указывал Ленин, — а вести их на борьбу против капиталистического строя, этого главного источника их нищеты, бесправия, темноты и религиозности.

В 1913 г. товарищ Сталин в своей знаменитой работе «Марксизм и национальный вопрос» отметил, что партия боролась и будет бороться против гонений на людей за те или иные их религиозные убеждения, но это не значит, что партия мирится с какой бы то ни было религией.

«Социал-демократия, — писал товарищ Сталин, — будет бороться против всяких религиозных репрессий, против гонений на православных, католиков и протестантов. Значит ли это, что католицизм и протестантизм и т. д. «не идут вразрез с точным смыслом» программы? Нет, не значит. Социал-демократия всегда будет протестовать против гонений на католицизм и протестантизм, она всегда будет защищать право наций исповедывать любую религию, но в то же время она, исходя из правильно понятых интересов пролетариата, будет агитировать и против католицизма, и против протестантизма, и против православия, с тем, чтобы доставить торжество социалистическому мировоззрению»¹.

Великая Октябрьская социалистическая революция камня на камне не оставила от позорных законов, веками тяготевших над совестью поработанных царизмом народов. 23 января 1918 г. был опубликован за подписью Ленина декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви, обеспечивший всем гражданам подлинную свободу совести. Свобода совести подтверждена Сталинской Конституцией, 124-я статья которой гласит:

«В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами».

Дело чести каждого сознательного гражданина, каждого воинствующего безбожника использовать предоставленное Сталинской Конституцией право на антирелигиозную пропаганду для терпеливого всестороннего разъяснения верующим трудящимся вреда религии, для внедрения в массы единственно научного диалектико-материалистического мировоззрения.

(Журн. «Антирелигиозник» № 12 за 1937 г.).

ПОДАВЛЕНИЕ СВОБОДЫ СОВЕСТИ ЗА РУБЕЖОМ

На знамени революционной французской буржуазии XVIII в. были написаны лозунги: веротерпимость и свобода совести. Однако буржуазия, достигнув власти, быстро отказалась от этих лозунгов, как и от других демократических требований. Уже в 1801 г., через семь лет после падения Робеспьера, она заключила конкордат с папой, союз с поповщиной. «Все и всякие угнетающие классы, — писал Ленин, — нуждаются для охраны своего господства в двух социальных функциях: в функции палача и в функции попа»¹. Буржуазия утвердила свое господство в борьбе с религией и церковью, защищавшей феодализм, но и сама она, как угнетающий класс, нуждается в религии. Религия нужна ей для того, чтобы гасить недовольство и возмущение эксплуатируемых масс, одурманивать эти массы, раскалывать их, вселять в их сознание идеи покорности и смирения перед угнетателями.

Апологеты капитализма любят вспоминать о Французской революции 1789 г. в таком духе, что-де провозглашенный тогда принцип свободы совести с тех пор прочно вошел в жизнь. На словах многие современные буржуазные конституции провозглашают свободу совести, но это одни слова. Подобно остальным демократическим свободам в буржуазных странах, она предоставляется формально, без гарантий осуществления, и соблюдается лишь постольку, поскольку не затрагивает интересов господствующих классов. Нередко уже в самой конституции, в тексте тех статей, в которых говорится о свободе совести, содержатся оговорки. Они вполне достаточны для того, чтобы исполнительная власть могла в любой момент объявить ту или иную церковь неугодной, ту или иную секту или любого безбожника нарушителями конституции.

«Каждый параграф конституции содержит в самом себе свою собственную противоположность, свою собственную верхнюю и нижнюю палату: свободу — в общей фразе, упразднение свободы — в оговорке», — писал Маркс².

Всем известно, кроме того, что довольно часто реакционные

¹ Ленин — Крах II Интернационала. Соч., т. XVIII, стр. 259.

² Маркс — Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. Соч., т. VIII, стр. 335.

¹ Сталин — Сборник «Марксизм и национально-колониальный вопрос». Партиздат 1937 г. Стр. 39.

правительства своими «чрезвычайными» указами отменяют конституцию либо целиком, либо в самых существенных пунктах.

Во всех капиталистических странах существует неразрывная связь между церковью и государством. Церковь является в капиталистических странах необходимой частью государственного аппарата угнетения, в частности — подавления свободы мысли и совести граждан.

Если бы составить беспристрастный, полный обзор фактов, характеризующих буржуазную политику в области религиозных отношений, скажем, за последние полтора столетия, — от Французской революции 1789 г. до наших дней, — получилась бы картина, убийственная для тех, кто под туманной завесой конституционных формул пытается скрыть отталкивающие факты повседневной буржуазной действительности.

* * *

По мере того, как усиливается загнивание капитализма, обостряется его общий кризис и развертывается революционная борьба трудящихся масс против эксплуататоров, буржуазия прибегает ко все более и более реакционным методам поддержания своего господства. Почва под ее ногами колеблется, и она уже не удовлетворяется буржуазной демократией, всячески ограничивает «свободы», все менее маскирует свою диктатуру, переходит к террористическим методам управления. Фашизм и является «открытой террористической диктатурой наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала»¹. Естественно, что в условиях фашизма нет и не может быть никаких демократических свобод. Не может быть при фашизме и свобод совести.

Уже пять лет верующие в фашистской Германии находятся в условиях жестокого террора, который направлен прежде всего против приверженцев католической и евангелической церкви. Это не означает ни принципиальной враждебности фашизма по отношению к религии, ни невозможности для церкви примириться с фашизмом. Напротив, оба лагеря — верхи церкви и фашисты — ищут пути к полному урегулированию разногласий за счет народных масс. Фашизм стремится целиком подчинить себе церковь, сделать ее абсолютно послушным своим орудием. Церковь не соглашается на абсолютное подчинение, но вовсе не потому, что она противница фашизма (воцарилось же полное согласие между папой и Муссолини!), а прежде всего в силу мощного давления масс верующих антифашистов, которые требуют, чтобы она поддерживала их протест против террористической гитлеровской диктатуры. Папа во всеуслышание объявил себя врагом коммунизма. Он не может сговориться с Гитлером только о методах борьбы против револю-

ционного движения, каждый считает собственный метод наилучшим. Лишь небольшая часть низшего духовенства разделяет антифашистские устремления народа. Руководители, верхи, кардиналы и епископы вынуждены более или менее поддаваться напору масс, но сами за кулисами ведут антинародную политику, стараясь подороже продать фашистам свою безусловную поддержку. Многие верующие начинают сознавать это и ведут в рядах народного фронта активную борьбу против фашизма. Антифашистское движение растет повсюду, в том числе в церквях и сектах, которые сейчас являются в Германии единственным видом легальных нефашистских организаций.

Гитлеровцы посадили в тюрьмы и концентрационные лагеря тысячи католиков и евангелистов (среди них есть и священники). Штурмовики нападают на церковные процессии, рвут и отбирают у них хоругви, конфискуют тексты «пастырских посланий», провоцируют уличные столкновения с верующими и т. д.

В июне 1937 г. фашистские власти распустили так называемую «германскую народную церковь». Нужно иметь в виду, что она сложилась в свое время как организация фашистской агентуры в протестантизме. Прошло несколько лет, и те самые фашисты, которые должны были своей деятельностью ослабить протестантскую оппозицию, сами разочаровались в гитлеровском режиме и были зачислены в разряд «недовольных» и «ворчунов» (такие категории существуют в фашистской классификации противников режима). За это фашизм и запретил «германскую народную церковь».

Такая же судьба постигла еврейскую религиозную организацию «Бне Брис». Ее дома конфискованы, благотворительные учреждения закрыты. Запрещены секта «Библейское общество веры», гамбургская секта «Теософическое общество» (мотивировка: эта секта «вела к разрушению в людях веры в бога, а также к отрицанию границ народа и расы», т. е., другими словами, среди ее членов были антифашисты), секта «Пробуждение», адвентистская группа «Реформистское движение» и многие другие религиозные общества. Члены запрещенных организаций, продолжающие свою деятельность нелегально, подвергаются жестокому судебному преследованию. Особенно относится это к обществу так называемых «бибельфоршеров» — германскому отделению международной религиозной организации сектантского типа, занимающейся исследованием и толкованием Библии. Суды над непокорными «бибельфоршерами» в Германии происходят чуть ли не ежедневно.

Представление о терроре над «бибельфоршерами» дает письмо одного из них, напечатанное в антифашистских изданиях в разных странах. Автор пишет о своем пребывании в гитлеровском концентрационном лагере вместе с группой других «бибельфоршеров», осужденных, как и он, за принадлежность к запрещенной организации:

«С самого начала нас заставили простоять три с половиной часа навтыжку и при этом били... Одна группа арестованных

¹ Димитров — Доклад на VII Конгрессе Коминтерна. Сборник «В борьбе за единый фронт против фашизма и войны». Партиздат 1937. Стр. 4.

называлась «навозной командой». Мы, ее члены, должны были стоять возле ассенизационной бочки и петь, или кланяться на коленях, или ложиться и потом снова вставать... Кроме того, нас заставляли влезать на эту бочку и взывать с нее к богу, чтобы он нам помог... Ерат Х. был заключен в арестный дом. Сперва ему дали 25 ударов по спине. При первом же ударе лопнула кожа, и потекла кровь. Потом он получил 15 ударов мокрым узловатым полотенцем по голому телу. После этого он тридцать дней находился в тюрьме и был закован в кандалы, которые с каждым днем сжимались все теснее и теснее. С другим братом произошло то же самое. Когда его все же выпустили из арестного дома, его невозможно было узнать. Третьего брата застрелили...».

Летом 1937 г. в иностранной печати появилось известие о том, что фашисты убили 18 «бибельфоршереров». Убийцы остались безнаказанными.

Взамен всячески гонимых католической, протестантской и иудейской религий гитлеровцы пытаются создать новую религию, вполне соответствующую фашистской идеологии — религию войны (пресловутый древнегерманский культ Вотана и Бальдура, интерпретированный полупомешанным генералом Людендорфом на гитлеровский лад).

Достоинные последователи германского фашизма нашлись и в Японии. Например, в апреле 1937 г. там была запрещена, по политическим соображениям, многочисленная (750 000 членов) шинтоистская секта.

Данцигские фашисты в вопросе о религии подражают германским. Данциг считается «вольным городом» под покровительством Лиги наций. Гитлеровцы, засевшие в данцигских парламенте и сенате, с помощью обмана и террора фактически захватили власть в «вольном городе». Они намереваются и формально присоединить его к Германии. Всякая антифашистская оппозиция подавляется в Данциге жесточайшими мерами. До конца октября 1937 г. одну из сильнейших оппозиционных групп по отношению к захватническим притязаниям и действиям фашизма составляла в Данцигской области католическая партия центра.

Наступление фашистской реакции в Данциге выражается, в частности, в гонении на католические массы. Приведем лишь несколько фактов. В июле 1937 г. толпа данцигских штурмовиков свалила кресты с нескольких католических церквей в Майстервальде и разбила в окрестностях Данцига распятия, стоявшие по обычаю на перекрестках дорог. Фашистский сенатор Бек распустил конфессиональные юношеские организации. В конце 1936 г. гитлеровцы ранили 12 человек, разгоняя собрание католиков. Католическая пресса преследуется. 8 апреля 1937 г. суд в ускоренном порядке приговорил к шести месяцам тюремного заключения священника Штахника, вождя оппозиционной партии центра. В мае священник Вольфайль был приговорен к огромному штрафу в 1100 гульденов «за оскор-

бление Гитлера и данцигского сената». Руководителю местной исповеднической церкви К. Вальтеру пришлось отсидеть три месяца в тюрьме и уплатить 1800 гульденов штрафа за оппозицию гитлеровцам.

Партия центра капитулировала и 21 октября 1937 г. объявила о самороспуске.

Эти факты не означают, однако, что данцигские церковники непримиримо настроены против фашизма. Напротив, они, подобно своим германским собратьям, настойчиво ищут компромисса. Они вовсе не против фашизма (что бы ни говорили они перед массами верующих). За кулисами, вдали от масс, идет оживленный торг данцигского католического духовенства с гитлеровцами. Фашистские данцигские и германские газеты долго нападали на епископа О'Рурке — главу католиков «вольного города»; но стоило разнестись слуху о предстоящем включении данцигского церковного округа в польский округ Пельплин¹, как «Берлинер тагеблат» от 8 июня 1937 г., забывшись, пролила слезу. По словам этой газеты, О'Рурке «догадался установить лояльные отношения с национал-социалистскими правящими кругами». Это признание с полной очевидностью доказывает, что в Данциге, как и в Германии, высшее духовенство ведет двойную игру, бесстыдно обманывает, предаёт массы и в то же время, из боязни остаться без «паствы», прикидывается противником фашизма.

Факты, относящиеся к далекому и недавнему прошлому, а также современная хроника показывают, что господствующие эксплуататорские классы, особенно в фашистских странах, никогда не церемонятся с теми религиозными организациями, которые в силу различных исторических причин становятся в оппозицию к существующему режиму. Понятно, главная тяжесть преследований всегда обрушивается на рядовых последователей «крамольной» церкви или секты, а не на главарей. С еще большей жестокостью в этих странах преследуются свободомыслящие и все граждане, порвавшие связи с церковью.

* *

*

Буржуазия стремится использовать церковь как орудие империалистической политики. Подавление религии меньшинств (хотя бы и господствующих по численности в данной области) и замена ее государственной религией — обычный метод колонизации, германизации, итальянизации и т. д. Разумеется, фаши-

¹ Границы районов церковной администрации не во всех районах Европы совпадают с государственными границами. Ватикан всячески использует это обстоятельство в своих сложных международных интригах. Проект переноса управления данцигскими церковными делами в Польшу — очередной маневр с целью заставить германских фашистов пойти на уступки Ватикану в Германии. Гитлеровцев вовсе не устраивает то, что католики Данцига могут перейти под опеку польского епископата, действующего в полном согласии с правительством Польши, для которой присоединение «вольного города» к Германии было бы тягчайшим ударом.

стские государства и в этом отношении побивают все «рекорды» зверства.

Германские фашисты в Вестфалии, Восточной Пруссии, Рурской области, Силезии, Лужицкой области, Шлезвиге и других местах, имеющих более или менее многочисленное инациональное население (поляки, мазуры, лужичане, литовцы, чехи, датчане и др.), издеваются над самыми элементарными правами верующих нацменов. Немецкий язык особенно упорно насаждается в лужицком, польском и литовском богослужениях. Это вызывает возмущение национальных меньшинств. Довольно часто вспыхивают конфликты, дело доходит даже до организованных демонстраций протеста и до стычек с полицией. В свою очередь польские власти вводят польский язык в богослужение церковей, имеющих много приверженцев среди немцев. Польша настолько же хочет ополчить свои немецкие меньшинства, насколько Германия стремится онемечить своих поляков. Впрочем, все это не мешает Польше быть пешкой Германии в международной политике.

Кроме того, в Польше, где господствующей религией объявлен в конституции католицизм, беспрестанно идет гонение на православие, особенно распространенное в восточных и южных районах страны, преимущественно с непольским населением.

В Италии, которая после мировой войны получила в числе других территорий Триест, Фиуме, Истрию и Южный Тироль, жесточайшими средствами проводится итальянизация хорватов, немцев и словенцев, населяющих эти области. Католическая церковь в словенских и немецких районах преследует всех некатоликов. Итальянское правительство, подобно польскому, связано с Ватиканом договором и так же, как оно, пользуется услугами католических попов. На этой почве не раз происходили волнения, заканчивавшиеся кровопролитием. Строжайший запрет совершать богослужения на языках национальных меньшинств стал причиной частых стычек населения «новоприобретенных» областей с итальянскими фашистами.

В Буковине румынские бояре запрещают употребление украинского языка не только в школе, суде или административных органах, но и в богослужении. Само собой разумеется, что в румынской конституции найдутся пышные фразы о свободе совести.

Немало этих фраз и в югославской конституции. Для разоблачения их лицемерия достаточно только одного примера — выдержки из адреса, переданного в Лигу наций македонской буржуазией:

«Болгарские национальные меньшинства в Югославии подвергаются систематически денационализации и свирепой ассимиляции, лишению политических прав, экономическому порабощению и социальной нищете. Югославское правительство уничтожило все наши культурные, национальные и политические учреждения..., конфисковав и превратив 761 болгарскую церковь в сербские, изгнав 6 епископов, изгнав или искоренив 833 бол-

гарских священника... Наши имена насильственно меняют... Присвоение нашим детям национальных имен при крещении запрещено, и мы обязаны присваивать им имена, выбранные из списка, выработанного сербскими церковными властями специально для Македонии... В Тетоне несколько граждан и священников были присуждены к принудительным работам за пение во время праздника народных болгарских песен».

Страны буржуазной демократии, даже самой «классической», например Англия, также дают примеры циничного насилия над совестью верующих. Очень яркие факты этого рода связаны с ирландским вопросом. Огромное большинство ирландцев — католики, и это обстоятельство сильно отразилось на борьбе, которую Ирландия сотни лет вела с Англией, где господствующей является англиканская (протестантская) церковь: к экономическому и политическому (в частности национальному) вопросу присоединился религиозный, так как католическая церковь враждует с англиканской.

Религиозный вопрос до сих пор обострен в отношениях между Англией и Ирландией. И в последние годы не раз дело доходило до столкновений и драк между католиками и протестантами в Ирландии, даже до нападения на религиозные процессии и церкви. Так было, например, летом 1935 г. во время XXXI католического евхаристического конгресса, состоявшегося в Дублине — столице Ирландии.

Стремясь упрочить свое положение в «присоединенных» областях со значительными по численности национальными меньшинствами и в колониях, империалисты разжигают среди местного населения религиозную рознь. Например, почти беспрерывно происходящие в Индии столкновения индусов и мусульман вызываются не только нетерпимостью их религий, но и провокационной деятельностью английских империалистов.

Одно из гнуснейших средств борьбы с революционным движением и вообще с нарастающим недовольством масс в буржуазных странах — антисемитизм, разжигание национальной и религиозной вражды к евреям. Острые антисемитские кампании направлены всегда против трудящихся евреев и еврейской мелкой буржуазии, крупные же капиталисты от антисемитских кампаний фактически совсем или почти совсем не страдают. Господствующие эксплуататорские классы при всех обстоятельствах сохраняют хорошие отношения также с еврейским духовенством. Это понятно, так как им нужна поддержка всех религий, в том числе и иудейской.

Цель всякой антисемитской кампании — вбить клин в народные массы, помешать классовому объединению трудящихся, направить в ложное русло недовольство народа, отвлечь его от борьбы с капитализмом, истинным виновником нищеты, бесправия, эксплуатации и всяческого гнета. Натравливая массы на евреев, эксплуататорские классы надеются разрядить напряженную внутреннюю обстановку. Причиной всех зол объявляются евреи. Антисемиты охотно пускают в ход религиозные «доводы»

(в этом духовенство оказывает им большую помощь) и нередко возводят на евреев дикие обвинения в ритуальных убийствах (процессы в австрийском городке Полна в 1898 г., в Поморской Пруссии в 1884 г., в Рейнской области в 1891 г., дело Бейлиса в России в 1913 г. и др.). До сих пор время от времени в западных странах появляются гнусные, клеветнические книжонки, в которых возводится кровавый навет на евреев. Еврейские погромы происходили не только в царской России, но и сейчас происходят в Польше, Австрии, Румынии, Латвии, Литве, Эстонии, Болгарии, Греции.

Разгул антисемитизма особенно характерен для фашистской Германии. Евреи поставлены там в положение отщепенцев, объявлены «неполноценными», даже не людьми, а «подлюдьми», лишены гражданских прав, всячески изолируются от «арийцев», вытесняются из тех областей культурной и экономической жизни, в которых им до сих пор еще удавалось удерживаться, превращены в париев в полном смысле этого слова, ежеминутно подвергаются унижениям и оскорблениям, нередко превосходящим все, что только может вообразить нормальный человек. Всяческим издевательствам подвергаются и христиане, женившиеся на еврейках¹, а также евреи, перешедшие в христианство.

Итальянские фашисты под влиянием своих берлинских учителей также усиленно насаждают и развивают антисемитизм. Итальянский министр иностранных дел граф Чиано при свидании в 1936 г. с Гитлером обещал ему начать во владениях Италии энергичную кампанию против евреев.

Одна из крупнейших итальянских газет писала недавно, что весьма актуальной проблемой стал «протест итальянских евреев против германского расизма». «Разве евреи не знают,—пишет газета,—что это не совместимо с дружбой, связывающей нас с Германской империей? Многие признаки указывают, что итальянские евреи не поняли того, что и в Италии существует тоталитарный режим». Далее газета объявляет, что евреи, возмущающиеся расизмом (т. е. и антисемитизмом), ставят себя в «опасное положение», так как они-де, «следовательно», сочувствуют испанским республиканцам, французскому народному фронту и Советскому Союзу. Поэтому газета предлагает всем итальянским евреям доказать свою вражду к антифашизму и угрожает, что в противном случае «они будут лишены гражданства и права жительства в Италии».

Под предлогом борьбы с антифашизмом в Италии разгромлено множество еврейских магазинов и кафе. В конце 1936 г. мировая печать опубликовала сообщение из Триполи (Северная Африка) о том, что местные власти арестовали там двести четырнадцать евреев-торговцев, нарушивших приказ открывать по субботам все лавки. Трое из них были публично высечены.

¹ Фашистские власти распорядились, чтобы впредь государственные служащие не женились на еврейках.

В «Известиях» 26 января 1938 г. было помещено сообщение ТАСС о чудовищной антисемитской выходке фашистов в Румынии. В Бухарестском университете, в одной из аудиторий медицинского факультета, фашистские бандиты на глазах у всех студентов раздели трех студенток-евреек и выпороли их розгами.

Антисемитская пропаганда ведется в больших масштабах и реакционными группировками в США. Несмотря на прокламированную веротерпимость и свободу совести, в Америке беспрепятственно орудует множество реакционных организаций, проповедующих расовую и религиозную ненависть к неграм, евреям и другим «неамериканским» народам. В частности, этим отличаются известная протестантская погромная организация «Ку-клукс-клан» и очень напоминающий ее террористический «Черный легион». Вот образец письма, сопровождающего фашистскую и антисемитскую литературу, которую бесплатно рассылает одна из организаций «Черного легиона»:

«Эти две брошюры посылают вам 22 бдительных христианина во имя господа нашего и спасителя Иисуса Христа... Смерть Лиге наций... Хайль Гитлер! Просьба выучить наизусть наш девиз: «Северная белая Америка, следуя по пути Гитлера и Джима Кроу¹, поставит евреев и негров на подобающую им нижнюю ступень»².

Американские фашистские и черносотенные организации, вроде «Черного легиона», финансируются капиталистами. Не раз было доказано, что деньги на антисемитские кампании давали конкуренты еврейских фирм. Весьма характерно то, что в антисемитской пропаганде ясно заметны следы подрывной деятельности гитлеровцев в США. Зверски преследуя оппозиционные христианские группы в своей вотчине — Германии, гитлеровцы охотно спекулируют на христианских суевериях отсталых элементов в Америке. Американская общественность не раз уже требовала пресечь человеконенавистническую пропаганду и террор по отношению к евреям и неграм.

* *
*

Свобода совести понимается большинством авторов буржуазных конституций очень однобоко — как свобода вероисповедания. Мы уже убедились в том, какова ей цена на деле. Еще яснее станет лживость буржуазной демократии, если мы примем во внимание, что под подлинной свободой совести надо подразумевать не только свободу вероисповедания, но и свободу не исповедывать никакой религии, а также вести антирелигиозную пропа-

¹ Джим Кроу — американский черносотенец, «прославившийся» в 80-х годах прошлого века погромной агитацией против негров. Его изуверские «теории» до сих пор имеют хождение в США под названием «джим-кроуизма».

² Опубликовано в «Ньюз кроникл», перепечатано в «За рубежом», 1936 г., № 18.

ганду. Предоставляют ли такую свободу буржуазные конституции? Ни одна из них ее даже на словах не провозглашает.

В любой буржуазной стране, несмотря на формальную свободу совести, безбожник, громко заявляющий о своих убеждениях, рискует оказаться (и, как правило, оказывается) в положении отщепенца. В фашистских странах безбожие подвергается жесточайшим преследованиям. Фашизм зверски преследует непокорных верующих и священников, пытается заменить одну религию другой, но он больше, чем любая другая форма господства буржуазии, нуждается в поддержке со стороны религии. В любой фашистской стране человека зачислят в разряд «неблагонадежных», если он заподозрен в безбожии. Безбожник попадает в лапы полиции, теряет работу или пособие по безработице. В Австрии трудящихся насильно загоняют в религиозные организации. Чиновники там обязаны принадлежать к какой-либо церкви.

Во многих странах существуют благотворительные общества, оказывающие грошовую помощь безработным лишь при том условии, что эти голодные и бездомные люди будут слушать религиозные проповеди. Формально, конечно, каждый «свободен» не ходить в такую ночлежку, или не вступать в церковную общину, или произносить безбожные речи. Но это влечет за собой ночевку под мостом, увольнение, арест.

В государственных школах некоторых стран детей безбожника насильно обучают религии (например, в Польше по конституции 1921 г., ст. 120). При этом безбожник поставлен в такое положение, что протестовать не может иначе, как с риском попасть в «неблагонадежные». И если, скажем, в Австрии или в Литве ему дается формальное право отказаться от обучения детей «закону божьему», не всякий решается воспользоваться этим правом. Известно, что в 1927 г. австрийский рабочий Биндер был арестован за отказ посылать ребенка в религиозную школу.

Безбожник во многих странах не может быть учителем. Об этом прямо говорит, например, австрийская конституция. Конституции Швеции и Австрии подчеркивают, что религиозное воспитание должно быть одной из главных целей школьной работы¹. В соответствии с этим школа отдается во власть попов. В маленькой Бельгии половина духовенства (около 30 тыс. чел.) «работает» в школе и оплачивается за счет народа. Существуют, правда, и безрелигиозные школы в ряде стран, но их меньше, чем религиозных, к тому же большинство их принадлежит частным лицам, и, следовательно, за право учения нужно платить такие суммы, которые рабочему и крестьянину не по карману.

Нечего и говорить, что в большинстве стран в особенно тяжелом положении находятся безбожники, ведущие антирелигиозную пропаганду, в первую очередь—революционные безбожники.

Религия стоит под защитой специальных законов во всех буржуазных странах. Якобы с целью охранить убеждения каждого от «оскорбительных» нападок инакомыслящих приводятся в действие законы (нередко столетней давности), карающие за пропаганду безбожия. Деятельность свободомыслящих запрещена в Италии, Германии, Японии, Греции, Польше, Австрии, Болгарии и других странах. Разумеется, революционные безбожники продолжают работать нелегально, но им грозят за это жестокие кары. Там, где у власти стоят «демократические» правительства, безбожники фактически тоже лишены свободы пропаганды. Вот что говорил в 1930 г. на собрании «Общества друзей СССР» известный американский свободомыслящий Ч. Смит:

«В каждом из штатов духовенство пользуется особыми привилегиями, и во многих из этих штатов атеисты лишены элементарнейших прав¹. Более того, в США есть очень много таких местностей, где открытое исповедание атеизма неизбежно повлекло бы за собой мученическую смерть... В ряде штатов, как-то в Арканзасе, Мерилэнде, обеих Каролинах и Миссисипи, атеист не допускается вовсе к свидетельству на суде²... В штате Арканзас, на моей родине, атеисты не допускаются к занятию общественных должностей. Есть и другие штаты с подобными ограничениями для безбожников. В 1928 г. я сделал отчаянную попытку выступить в Арканзасе против этого закона. За это я был посажен в тюрьму и осужден на три месяца принудительных работ. Вы спросите, каким образом? Очень просто. Меня обвинили в богохульстве... Даже в штате Нью-Йорк имеются законы против богохульства...».

Кстати, нет такой буржуазной страны, где священник, обрушившийся с проповедью на безбожников и атеизм, был бы привлечен к ответственности, хотя такие выступления сплошь и рядом полны оскорблений и лжи.

В уголовном законодательстве буржуазных стран определены жесточайшие наказания за выступления против религии. Наконец, политика «чрезвычайных указов» дает буржуазии оружие, сметающее все формально-правовые препятствия перед произволом. Именно чрезвычайным указом 4 мая 1932 г., накануне захвата гитлеровцами власти, Гинденбург запретил в Германии Интернационал пролетарских свободомыслящих и его организации.

Многим памяты судебные процессы против безбожников. Напомним только некоторые, прежде всего нашумевший во всем

¹ Нужно иметь в виду, что «свободы», предоставляемые конституцией США, могут быть фактически уничтожены законодательством отдельных штатов.

² Сам Смит, дважды осужденный за «богохульство», оба раза даже не был допрошен судом, так как в конституции штата Арканзас сказано: «Никто, отрицающий существование бога, не может занимать должность в учреждениях штата и не может допускаться к свидетельствованию на суде».

¹ «Шедевр» в своем роде представляет ст. 18 конституции Ирана: «Изучение и преподавание всяких наук, ремесл и искусств свободно, поскольку это не запрещается по законам веры».

мире суд над германским художником Г. Гроссом (1928 г.), автором серии рисунков, с поразительной силой разоблачающих роль церкви и религии на службе капитала. Американский коммунист Бимба был осужден в 1926 г. за то, что «осмелился» задать в докладе вопрос: почему бог, если предположить, что он существует, терпит террор по отношению к революционным рабочим? Обвинен был Бимба по древнему закону—от 1697 г. Уже упомянутый Ч. Смит был дважды осужден за пропаганду дарвинизма (1928 г.).

Судят и приговаривают за критику Ватикана (процесс Талдука в Польше, 1926 г.), за появление на маскараде в монашеской рясе (девушка Вейнтруб в польском городе Ченстохове была осуждена в 1926 г. к году тюрьмы), за публично выраженное сомнение в святости причастия (дело В. Мациоса в Польше, в 1926 г.; приговор—2 года тюрьмы), в девственности «богоматери» (дело В. Лугашевского, Польша, 1926 г., 4 месяца тюрьмы) или в божественности Христа (дело С. Пакона в Радоме, Польша, 1926 г.; 6 месяцев тюрьмы), за антипоповские карикатуры (процесс журнала «Эйленшпигель», Германия, 1928 г.; газеты «Дарбс ун Майзе», Латвия, 1928 г.; газеты «Роте фане», Германия, 1929 г.), за безбожные пропагандистские статьи в специальных изданиях (процесс журнала «Фрайденкер», Австрия, 1929 г.; осуждение Максимилиана в Австрии же, 1926 г.), за опровержение антисоветской поповской клеветы (дело Бока в Мангейме, Германия, 1928 г.; денежный штраф) и за многое другое, даже за сомнение в существовании дьявола (такой процесс закончился в 1927 г. в польском городке Пуцке осуждением учителя на полтора месяца тюрьмы).

Сводка М. Шейнмана¹ содержит сведения только по девяти странам и только за четыре года (1926—1929 гг.), но и в ней отмечено 55 процессов о «богохульстве».

За последние годы в некоторых государствах (в фашистской Германии, в Швейцарии, Англии, Голландии) были приняты новые законы против «богохульства», большей частью сформулированные так, что реакционные власти получили полную возможность осудить кого угодно, приравняв к «богохульству» любое выступление с критикой религии.

* *
*

Буржуазия, столь заботливо оберегающая религию от всякой критики, ополчается на материалистическую науку.

В 1925 г. на весь мир прогремел изуверский «обезьяний процесс» в Америке (в штате Теннесси): учитель Скопс был осужден

¹ М. Шейнман—Политическая роль современных религий. Изд. «Безбожник», 1929 г. Стр. 16—20. Из этой книги взяты приведенные только-что примеры процессов о «богохульстве».

за то, что излагал школьникам теорию Дарвина¹. Примерно, тогда же был затравлен, доведен до самоубийства знаменитый биолог П. Каммерер.

Палаческие, человеконенавистнические «теории» фашизма пропитаны мистикой и поповщиной. Гитлеровский фашизм задумал не только стереть с лица земли всех своих политических противников, но и создать «новую», германскую, «арийскую» науку. На практике это приводит к истреблению и изгнанию лучших, крупнейших ученых, к шельмованию величайших достижений науки, к отрицанию того, что наука дает человечеству, к пропаганде реакционнейших идей. Изгнаны из Германии Эйнштейн, Нойгебауэр, Шредингер и многие другие ученые; лишены кафедры сотни профессоров, которыми справедливо гордилась страна; покончило самоубийством много ученых, нередко с мировым именем (например крупнейший одонтолог проф. Мораль из Рокштока, лишенный права преподавания, как еврей; известный берлинский сифилидолог проф. Ганштейн, переживший ужасы фашистских застенков и застрелившийся, когда выяснилось, что неизбежен вторичный арест).

Дженнер, Беринг и Кох, давшие миру средства борьбы с оспой, дифтеритом и туберкулезом, объявлены там шарлатанами и отравителями.

Известный германский антисемит Юлиус Штрайхер издает не только порнографический журнальчик «Штюрмер», но и «научный орган»—журнал «Народное здравоохранение», выходящий в Нюрнберге. Этот «орган» утверждает, что Роберт Кох не сделал бы своих «вредных» открытий, если бы в него не вселился «черный дьявол». Коха обвиняют в том, что «он стал отнимать у миллионов людей своей расы силу, здоровье и красоту... Он стал распространителем заразы...»

Журнальчик ратует против переливания крови и против прививок. Не кто иной, как баварский министр «культуры» Ганс Шемм провозгласил: «Одной капли крови животного достаточно, чтобы отравить арийца». Штрайхер и его покровители объявили, что должна быть создана «натуральная медицина». О том, что они имеют в виду, говорит имперский «медицинский фюрер» Вагнер: «Создавая новую медицину, мы не можем основываться на открытиях старой медицинской науки. Она должна быть основана на фашистской философии».

Пример, касающийся медицины, дает возможность заключить о том, что делается в других отраслях науки в Германии.

¹ О том, что «обезьяний процесс» не был исключительным явлением, свидетельствуют следующие факты: законы, преследующие за пропаганду дарвинизма, существуют и в других штатах США: Миссисипи, Канзасе, частично Джорджии, Арканзасе. В некоторых штатах, где столь «универсальных» законов нет, все же преследуется преподавание теории эволюции в школе: в Тексасе, Флориде, Оклахоме.

Рабочий, избалованный в антирелигиозной пропаганде, мелкий буржуа, отправленный в концентрационный лагерь за активную деятельность в какой-либо из оппозиционных церковных организаций, и ученый, изгнанный с кафедры за материалистическую разработку проблем, которые кажутся «фюрерам» почему-либо опасными для «тевтонского духа», — все это жертвы жесточайшего подавления свободы совести фашистскими варварами.

Вот почему лозунг антифашистского народного фронта, выдвинутый VII конгрессом Коминтерна, встречает восторженную поддержку у миллионов трудящихся в капиталистических странах. «Мы спрашиваем германских католиков, — говорится в воззвании германской компартии, выпущенном летом 1937 г.: — разве у нас не один только враг — Гитлер? Разве у нас нет великого общего национального долга — ударить по рукам «национал-социалистских» поджигателей войны? Все дети нашего народа, любящие мир и желающие сохранить его, чтобы спасти народ, должны объединить свои силы. Каждый удар, который «национал-социалисты» направляют против вас, мы, коммунисты, ощущаем как удар по всем друзьям народа. Мы знаем, что всякий ущерб, причиненный вашей свободе веры..., всякая террористическая мера против защиты прав рабочих и трудящихся вредит нашему общему делу — борьбе за мир. Поэтому мы поддерживаем вашу справедливую борьбу за свои права, за свободу совести... В Германии не будет никакой религиозной свободы, если ее не завоюет в великой освободительной борьбе германский народный фронт»...

Требование свободы совести нередко бывает в странах фашизма первым шагом к дальнейшим выступлениям против кровавой диктатуры монополистического капитала.

Церковь — открытый противник всех сил, добивающихся создания народного фронта против фашизма и войны. В Германии реакционная верхушка католической и евангелической церкви не менее гитлеровцев обеспокоена активностью масс, которые в борьбе за свободу совести, в борьбе против фашизма убеждаются, что необходимы совместные выступления всех трудящихся, независимо от религиозных убеждений. Тысячи верующих, до сих пор сторонившиеся активной политической борьбы, в частности, в свое время не прислушивавшиеся к призывам коммунистов, теперь проходят суровую политическую школу и расстаются с иллюзиями. Полевение масс неизбежно означает ослабление массовой базы церковных организаций. Коммунисты и революционные безбожники протягивают братскую руку товарищам по классу, находящимся в религиозных организациях, и призывают к совместной борьбе в рядах народного фронта, к общему отпору кровавому фашизму, невзирая на разницу мировоззрений.

И во Франции, и в Италии, и в Бельгии, и в Югославии, и в Польше, и в других странах коммунисты стремятся объединить массы для отпора фашистской опасности, придавая особенное значение участию верующих масс в рядах народного фронта. Эту же цель преследуют организации Всемирного союза свободомыслящих, ведущие свою работу в очень трудных условиях. В тяжелых классовых боях верующие в капиталистических странах убеждаются, что для народов спасительна не та политика, которую ведет церковь, а политика коммунистов, политика безбожников, что подлинная свобода совести возможна только в условиях победы над всяческой реакцией.

Надо пожелать, чтобы наши братские организации свободомыслящих за рубежом широко поставили разъяснение смысла ст. 124 Сталинской Конституции, указывая единственно правильный путь к завоеванию полной свободы совести, уже двадцать первый год существующей в СССР, — путь, пройденный трудящимися Советского Союза, указанный им и народам всего мира гениями человечества: Марксом, Энгельсом, Лениным, Сталиным.

(Журн. «Антирелигиозник» № 2 за 1938 г.)

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РСФСР О РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТАХ

Основные принципы советского законодательства о религиозных культах изложены в декрете об отделении церкви от государства и школы от церкви от 23 января 1918 года, подписанном В. И. Лениным, и в статье 124 Сталинской Конституции. В развитие декрета об отделении церкви от государства в разное время был издан ряд законоположений по вопросу о религиозных объединениях, о порядке пользования ими молитвенными зданиями и имуществом культа и о разных культовых делах. Эти законоположения издавались Союзными республиками отдельно и теперь действуют на территории их.

Так, например, в РСФСР действующим законом является постановление ВЦИК и СНК РСФСР о религиозных объединениях от 8 апреля 1929 года (см. «Сборник Указаний», № 35 за 1929 г., ст. 353) с изменениями, принятыми ВЦИК и СНК РСФСР 1 января 1932 года, и инструкция постоянной комиссии при Президиуме ВЦИК по вопросам культов «О порядке проведения в жизнь законодательства о культах» от 16 января 1931 года. Закон и инструкция напечатаны в 1932 году в бюллетене № 2 в официальном издании постоянной комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК. Кроме того, отдельные ЦИК АССР, краевые и областные исполкомы издавали сборники действующих законоположений по вопросам культов, где были напечатаны закон и инструкция.

Законодательство УССР изложено в главе X административного кодекса УССР «Правила о культах» (ст. 350—375) и в инструкции Секретариата Президиума ЦИК УССР от 23 июня 1932 года.

В настоящей справке мы остановимся лишь на законодательстве РСФСР. Под действие закона в равной степени подходят все церкви, религиозные течения, группы и толки. Закон совершенно одинаково относится ко всем им. Законодательство устанавливает два вида религиозных объединений: религиозные общества и группы верующих.

«Религиозное общество есть местное объединение верующих граждан, достигших 18-летнего возраста, одного и того же культа, вероисповедания, направления или толка, в количестве не менее 20 лиц, объединившихся для совместного удовлетворения своих религиозных потребностей. Верующим гражданам, кото-

рые в силу своей малочисленности не могут образовать религиозного общества, предоставляется право образовать группы верующих». (Ст. 3 постановления ВЦИК и СНК от 8 апреля 1929 г.).

Как уже видно из этой статьи, религиозные объединения образуются только исключительно для отправления культа. Никакого иного рода деятельностью закон не дает им права заниматься. Религиозные объединения не пользуются правом юридического лица, а тем более не имеют политических прав.

«Религиозным объединениям воспрещается: а) создавать кассы взаимопомощи, кооперативы, производственные объединения и вообще пользоваться находящимся в их распоряжении имуществом для каких-либо других целей, кроме удовлетворения религиозных потребностей; б) оказывать материальную поддержку своим членам; в) организовывать как специальные детские, юношеские, женские молитвенные и другие собрания, так и общие библейские, литературные, рукодельнические, трудовые, по обучению религии и т. п. собрания, группы, кружки, отделы, а также устраивать экскурсии и детские площадки, открывать библиотеки и читальни, организовывать санатории и лечебную помощь.

В молитвенных зданиях и помещениях могут храниться только книги, необходимые для отправления данного культа». (Ст. 17 постановления ВЦИК и СНК от 8/IV 1929 г.)

Все эти ограничения находятся в полном соответствии с принципом отделения церкви от государства.

Следовательно, религиозные объединения есть объединения особого рода, существующие только в целях отправления культа, они не являются организациями трудящихся.

Тот факт, что религиозные объединения не имеют политических прав, совершенно не затрагивает прав верующих как граждан СССР. Они принимают участие в выборах и во всей общественно-политической жизни по месту своей работы или жительства, как и все граждане СССР, как члены обществ и организаций трудящихся.

Все религиозные объединения должны быть зарегистрированы в горсовете или райисполкоме. Только после этого они могут приступить к своей деятельности. Религиозное общество регистрируется после заявления об этом не менее 20 человек учредителей (так называемая «двадцатка»), группа верующих — по заявлению представителя группы. Помимо заявления о регистрации, подписанного всеми учредителями или членами группы верующих, подается список учредителей или группы.

«В списки членов религиозных обществ или групп могут быть вносимы только те верующие, которые изъявили на то свое согласие». (Ст. 9 постановления ВЦИК и СНК от 8 апреля 1929 г.).

Часто бывает, что в списки учредителей вносятся лица, не дававшие на это своего согласия. Поэтому регистрирующие органы (Горсовет, РИК) должны следить за тем, чтобы согласие каждого верующего вступить в «двадцатку» было им собствен-

норучно подписано, а за сообщение заведомо лживых сведений при регистрации лиц, виновных в этом, привлекать к ответственности.

Для управления и пользования культовым имуществом «двадцатка» избирает исполнительный орган из 3-х членов, а группа избирает 1 уполномоченного. Может быть избрана и ревизионная комиссия в составе не более 3-х человек. Об избрании исполнительных и ревизионных органов и переменах в составе их религиозные объединения обязаны сообщать регистрирующим органам. При этом последним (Горсовету или РИКу) закон предоставляет право отвода отдельных лиц из состава исполнительных органов. (Ст. 14 постановления ВЦИК и СНК от 8/IV 1929 г.).

Молитвенные здания и культовое имущество принадлежат государству и передаются Горсоветами или РИКаи религиозным обществам в пользование по договорам. Договор подписывают все члены «двадцатки» и отвечают за принятое ими имущество в солидарном порядке.

«В договоре, заключаемом верующими с городским советом или районным исполнительным комитетом, предусматривается, что лица, принявшие здания культа и имущество в пользование, обязуются:

а) хранить и беречь его как вверенное им государственное имущество;

б) производить ремонт здания культа, а также нести расходы, связанные с владением и использованием этим имуществом, как-то: по отоплению, страхованию, охране, оплате налогов, местных сборов и т. п.;

в) пользоваться этим имуществом исключительно для удовлетворения религиозных потребностей;

г) возместить ущерб, причиненный государству порчей или недостачей имущества;

д) иметь у себя инвентарную опись всего культового имущества, в которую вносить все вновь поступающие (путем купли, пожертвований, передачи из других молитвенных зданий и т. п.) предметы религиозного культа, не представляющие частной собственности отдельных граждан, и исключать из описи с ведома и согласия того исполнительного комитета или совета, с которым заключен договор, предметы, пришедшие в негодность;

е) беспрепятственно допускать во всякое время, за исключением того времени, в течение которого производится совершение религиозных обрядов, уполномоченных городских советов или районных исполнительных комитетов или сельских советов к периодической проверке и осмотру имущества». (Ст. 29 постановления ВЦИК и СНК от 8/IV 1929 г.).

«Двадцатка» не избирается. Иногда местные органы власти дают религиозным обществам разрешения на созыв общих собраний всех верующих для выборов «двадцатки». Это неправильно. За здание и имущество культа отвечают только те верующие, которые подписались под договором, а поэтому нет никакой

необходимости в собраниях всех верующих. Собрания «двадцаток» каждый раз происходят в сельской местности с разрешения сельсовета, в городских — горсоветов. Каждый верующий, если он желает, имеет право подписаться под договором, как при передаче здания и имущества культа, так и после нее дополнительно к заключившим договор первоначально. Одновременно с этим каждый подписавший договор в любое время может снять свою подпись под договором и таким образом выйти из «двадцатки», подав об этом заявление в горсовет или райисполком. За период времени пребывания в «двадцатке» он несет ответственность за целостность и сохранность имущества.

При нарушении религиозным обществом условий договора, а также в случае невыполнения им распоряжений регистрирующих органов или комиссии по вопросам культов договор может быть расторгнут.

Расторжение договора еще не ведет к ликвидации молитвенного здания. Оно может быть передано по новому договору религиозному обществу другого исповедания или того же религиозного направления, новому составу учредителей. (Ст. 60 инструкции).

Молитвенное здание закрывается совсем и ликвидируется по ходатайству преобладающего большинства населения, если здание необходимо для государственных и общественных надобностей; если религиозное общество распалось, число учредителей менее 20 человек и нет верующих, желающих дополнительно подписаться под договором и взять здание и имущество под свою ответственность; если договор расторгнут в установленном порядке и также нет других желающих заключить договор и, наконец, если здание пришло в ветхость и специальной технической комиссией признано подлежащим сносу.

Право расторжения договоров и закрытия молитвенных зданий законодательство предоставляет президиумам ЦИК АССР, краевых и областных исполкомов. Горсоветы, райисполкомы, сельсоветы этого права не имеют. Они возбуждают ходатайство перед высшими органами власти.

Постановление президиума ЦИК АССР, или краевого и областного исполкома о расторжении договора или закрытии молитвенного здания после его получения горсовет или райисполком должен объявить под расписку исполнительному органу религиозного общества. Эти постановления входят в законную силу лишь после истечения 15 дней со времени объявления, в том случае, если религиозное общество не подало жалобы во ВЦИК. Если постановление обжаловано, то исполнение его приостанавливается и молитвенное здание остается в беспрепятственном пользовании верующих до окончательного решения по этому делу Президиума ВЦИК. Обжалование во ВЦИК верующие должны подавать через ЦИК АССР, краевой или областной исполком. (Ст. ст. 36, 37, 44 постановления ВЦИК и СНК от 8/IV 1929 г. и ст. 55—59 инструкции).

Практика показывает, что наибольшее количество нарушений

падает на несоблюдение местными органами власти этих статей закона. Сюда относятся случаи незаконной ликвидации молитвенных зданий отдельными администраторами, без постановлений ЦИК АССР, краевых и областных исполкомов, ликвидация в день объявления постановления упомянутых органов без предоставления верующим 15-дневного срока для обжалования, ликвидация или запрещение верующим пользоваться культовым зданием, несмотря на то, что постановление о закрытии обжаловано во ВЦИК.

Инструкция требует внимательного отношения к оформлению самых дел о закрытии молитвенных зданий. В деле должны быть все необходимые документы и материалы:

- а) копии постановлений по делу советов и исполкомов;
- б) подлинники ходатайств населения о закрытии;
- в) материалы о том, как предполагается использовать здание, если закрытие будет утверждено, под какие цели, проект переустройства, сведения о необходимых и имеющихся в наличии средствах на переоборудование;
- г) сведения о том, где и на каком расстоянии от закрываемого находится другое ближайшее функционирующее молитвенное здание того же религиозного течения. Эти сведения позволяют судить о правильности или неправильности закрытия здания. Без них дела о закрытии не рассматриваются.

Если вопрос о закрытии молитвенного здания получил окончательное разрешение в установленном законом порядке в сторону закрытия, ликвидация производится в соответствии со ст. 39—42 постановления ВЦИК и СНК от 8/IV 1929 г. комиссией, выделяемой горсоветом или РИКом, в присутствии представителя от «двадцатки». Порядок распределения культового имущества изложен в ст. 40 закона, которая говорит:

«При ликвидации молитвенного здания культовое имущество распределяется следующим образом:

- а) все предметы из платины, золота, серебра и парчи, а также драгоценные камни подлежат зачислению в государственный фонд и передаются в распоряжение местных финансовых органов или в распоряжение органов Народного Комиссариата Просвещения, если эти предметы состояли на их учете;
- б) все предметы исторической, художественной, музейной ценности передаются органам Народного Комиссариата Просвещения;
- в) остальные предметы (иконы, облачения, хоругви, покровы и т. п.), имеющие специальное значение при отправлении культа, передаются верующим для переноса в другие молитвенные здания того же культа; эти предметы заносятся в опись культового имущества на общих основаниях;
- г) предметы обиходные (колокола, мебель, ковры, люстры и т. п.) подлежат зачислению в государственный фонд и передаются в распоряжение местных финансовых органов или в распоряжение органов народного образования, если они состояли на учете последних;

д) так называемое переходящее имущество, деньги, а также ладан, свечи, масло, вино, воск, дрова и уголь, имеющие определенное целевое назначение для выполнения условий договора или для совершения религиозных обрядов культа, в случае сохранения существования общества после ликвидации молитвенного здания, изъятию не подлежат».

Служители культа представляются исполнительным органам на регистрацию в горсовет или райисполком и могут приступать к своим функциям только после регистрации.

Религиозные объединения могут собирать пожертвования среди верующих данного религиозного объединения, но только на цели, связанные с содержанием культового здания, имущества и наймом служителей культа. (Ст. 54 постановления ВЦИК и СНК от 8/IV 1929 г.). Эти сборы должны быть только добровольными. Принудительное взыскание сборов влечет уголовную ответственность. (Ст. 124 Уголовного Кодекса РСФСР).

Советские законы дают верующему возможность свободно отправлять свой культ, совершать обряды его религии, если, конечно, отправление культа не нарушает общественного порядка, не затрагивает прав других граждан, не нарушает правил социалистического общежития. Поэтому законодательство не требует особого разрешения или уведомления органов власти для отправления религиозного культа в помещениях, специально для этого приспособленных (церковь, мечеть, синагога, молитвенный дом и т. д.). В помещениях, специально не приспособленных, молитвенные собрания, исполнение религиозных обрядов могут происходить с разрешения сельских советов — в сельской местности и отделения милиции — в городских поселениях. (Ст. 57 постановления ВЦИК и СНК от 8/IV 1929 г.).

Не требуется разрешения органов власти на отправление религиозных обрядов (так называемых «треб», крещения, соборования, панихид) зарегистрированным в данной местности служителям культа на дому верующего, по его приглашению. (Ст. 26 инструкции).

Для совершения религиозных церемоний и шествий под открытым небом закон требует каждый раз разрешения горсовета или райисполкомов. (Ст. ст. 59—61 постановления ВЦИК и СНК от 8/IV 1929 г. и ст. 27 инструкции).

Исключением являются — обряд похорон на кладбище и шествие вокруг церквей в пределах ограды (например в «пасху»). Для них разрешений не требуется, если шествие вокруг ограды не нарушает правил уличного движения, если обряд похорон совершается на самом кладбище.

Церковные шествия и церемонии под открытым небом не являются обязательной принадлежностью религиозного культа.

Организаторами разных религиозных шествий и церемоний большей части являются реакционные церковники, которые используют их в антисоветских целях.

Вот почему местным органам власти предоставляется право не разрешать устройство таких шествий и церемоний.

Наконец, есть еще один особый вид религиозных обрядов — это сплошные хождения служителей культа по домам верующих с молебнами, с иконами в дни религиозных праздников (в «пасху», в крещение «со святой водой» и т. п.). На такого рода хождения законодательство требует разрешения сельских советов или горсоветов в каждом отдельном случае (ст. 25 инструкции). Хождения по домам верующих также не являются необходимой составной частью культа. В них заинтересованы сами служители культа и они установлены были с целью выжать с верующего в бездонный поповский карман побольше доходов. Многие граждане не желают принимать у себя попа на дому, но иногда не решаются ему отказать, когда поп появляется на пороге дома.

Кроме того, в семье не все верующие, и для них появление попа в их доме противоречит их убеждениям. Таким образом, хождения попов по домам стесняют свободу совести граждан, а поэтому в современных условиях, при огромном отходе масс от религии, не должны иметь места.

Надзор за деятельностью религиозных объединений, за сохранностью культового здания и имущества, за соблюдением договора «двадцатками» по действующему законодательству возлагается на регистрирующие органы — горсоветы и райисполкомы, а также и на сельские советы.

(Журн. «Антирелигиозник» № 2 за 1938 г.).

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От редакции	2
Ем. Ярославский — Пролетарская революция и церковь	3
Ем. Ярославский — Церковь и государство	10
М. Шейнман — Отделение церкви от государства	15
Ф. Путинцев — Церковь и государство	20
Ф. Олещук — К 20-летию декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви	25
Ф. Мегружан — Исторический декрет	36
Ю. Коган и Ф. Мегружан — Подавление свободы совести при царизме	55
Д. Михневич — Подавление свободы совести за рубежом	75
И. Узков — Законодательство РСФСР о религиозных культах	90

Редактор Ф. Олещук

Техн. редактор И. Гохман

Сдано в произ. 8/III 1938 г.

Подпис. к печ. 31/III-1938 г.

Форм. бум. 60×92¹/₁₆. Уч. а. л. 7,5. Печ. л. 6. Тир. 30 000
Уполн. Главл. Б-37331. Инд. Б-1. Изд. № 19. Зак. тип. 685.

Школа ФЗУ ОГИЗа треста «Полиграфкнига». Москва, Хохловский, 7.

Цена 70 коп.

20

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ

в книжные магазины Когиза райкультмагн потребко-
операции. Почтовые заказы адресуйте без задатка в
областные (краевые) отделы „Книга — почтой“ Когиза.